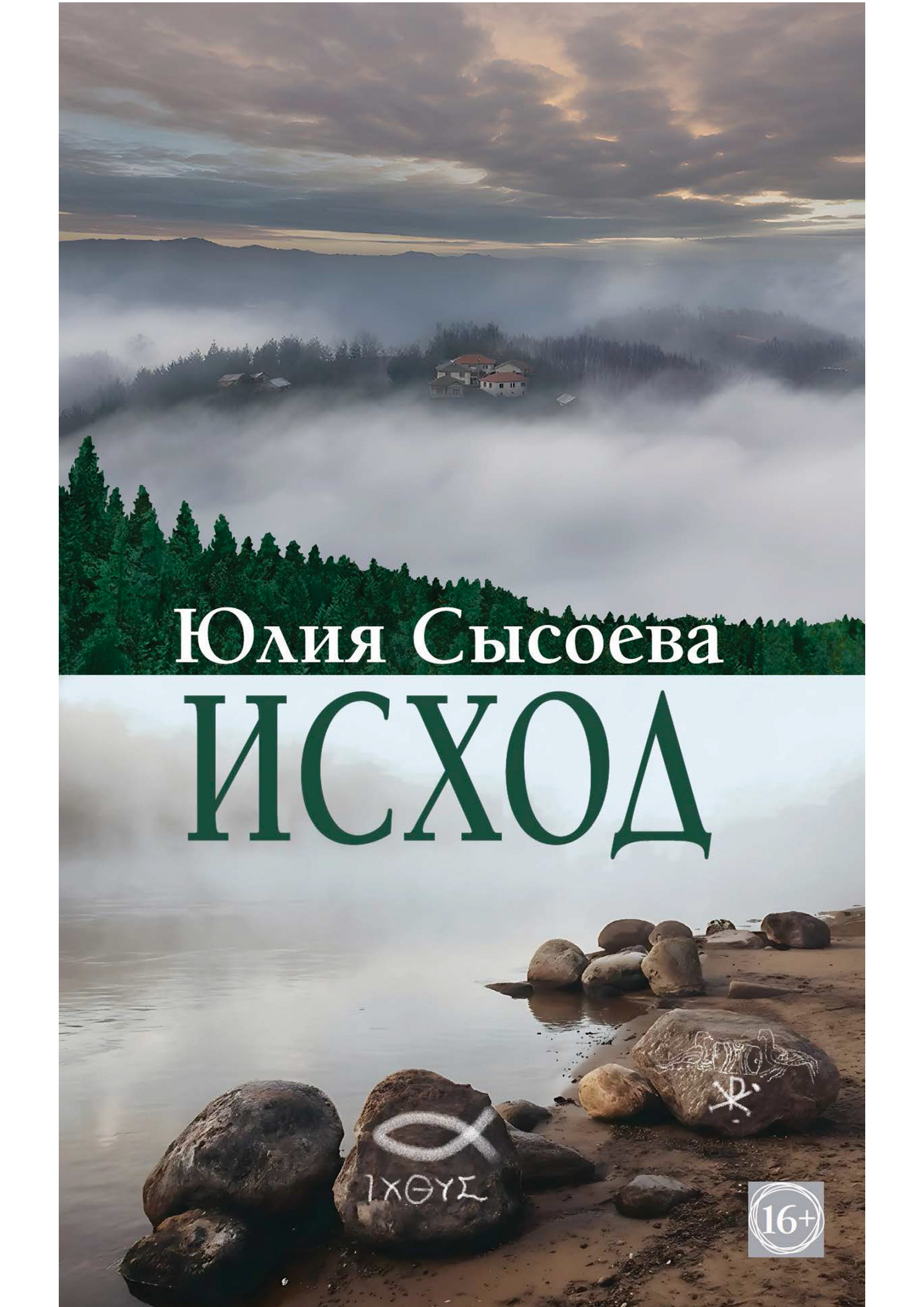

Юлия Сысоева

ИСХОД

Юлия Сысоева

Исход

Благотворительный фонд «Миссионерский
центр имени иерея Даниила Сысоева»

2026

УДК 281.9
ББК 77

Сысоева Ю.

Исход / Ю. Сысоева — Благотворительный фонд
«Миссионерский центр имени иерея Даниила Сысоева», 2026

ISBN 978-5-4279-0072-4

2064 год. После третьей мировой войны человечество приходит к новому мышлению, которое навсегда должно избавить планету от войн, нищеты и преступности. Глобальное правительство действует под лозунгом «Мир и безопасность». Победившая идеология требует абсолютной толерантности и слепого подчинения. Но остались еще малые сообщества людей, в умы которых не смогла проникнуть эта зараза. Их объявили сопротивленцами. Женский монастырь в пустыне Сонора (штат Аризона) получает от правительства предписание о выселении в северные резервации на Аляске. Ответственность за столь долгий и сложный путь легла на хрупкую женщину, настоятельницу монастыря игуменью Вирджинию. Ей выпал жребий вести своих сестер через охваченную хаосом Америку в неизведанную даль. Путешествие длиной в полконтинента, где предательство, опасности и смертельная болезнь переплетаются с самым мучительным для каждого человека переживанием – встречей с самим собой, с призраками собственного прошлого, спрятанными в глубоких тайниках человеческой души.

УДК 281.9
ББК 77

ISBN 978-5-4279-0072-4

© Сысоева Ю., 2026

© Благотворительный фонд
«Миссионерский центр имени иерея
Даниила Сысоева», 2026

Содержание

Пролог	7
Часть первая. Из Аризоны (Саффорд) до Монтаны (Миссула)	11
Глава первая	11
Глава вторая	13
Глава третья	15
Глава четвертая	18
Глава пятая	21
Глава шестая	25
Глава седьмая	28
Глава восьмая	35
Глава девятая	38
Глава десятая	41
Глава одиннадцатая	47
Глава двенадцатая	50
Глава тринадцатая	53
Глава четырнадцатая	57
Глава пятнадцатая	59
Глава шестнадцатая	67
Глава семнадцатая	69
Глава восемнадцатая	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Юлия Сысоева

Исход

Допущено к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви

© Юлия Сысоева, 2026

© БФ "Миссионерский центр им. иерея Даниила Сысоева", 2026

* * *

«И восстал в Египте новый царь, который не знал Иосифа, и сказал народу своему: вот, народ сынов Израилевых многочислен и сильнее нас; перехитрим же его, чтобы он не размножился; иначе, когда случится война, соединится и он с нашими неприятелями, и вооружится против нас, и выйдет из земли [нашей]. И поставили над ним начальников работ, чтобы изнуряли его тяжкими работами. И он построил фараону Пифом и Раамсес, города для запасов, [и Он, иначе Илиополь]. Но чем более изнуряли его, тем более он умножился и тем более возрастал, так что [Египтяне] опасались сынов Израилевых. И потому Египтяне с жестокостью принуждали сынов Израилевых к работам и делали жизнь их горькою от тяжелой работы над глиною и кирпичами и от всякой работы полевой, от всякой работы, к которой принуждали их с жестокостью» (Исх.1:8-14).

Боже хвалы моей не премолчи (пс 108)

«Я исчезаю, как уклоняющаяся тень; гонят меня, как саранчу. Колени мои изнемогли от поста, и тело мое лишилось тука. Я стал для них посмешищем: увидев меня, кивают головами [своими]. Помоги мне, Господи, Боже мой, спаси меня по милости Твоей, да познают, что это – Твоя рука, и что Ты, Господи, соделал это. Они проклинают, а Ты благослови; они восстают, но да будут постыжены; раб же Твой да возрадуется. Да облекутся противники мои бесчестьем и, как одеждою, покроются стыдом своим. И я громко буду устами моими славить Господа и среди множества прославлять Его, ибо Он стоит одесную бедного, чтобы спасти его от судящих душу его» (Пс.108:23–31).

Пролог

«В ту ночь долго не получалось заснуть, а когда я провалилась в зыбкий, бредово-тревожный сон, Бим внезапно истерически залаял. Любитель подремать часов до восьми, послушный и покладистый пес никогда никого не будил среди ночи.

Вставать не хочется: меня все еще терзают причудливые тени и фантомы из медленно отступающего сна.

Шлепнуть по морде тапкой обнаглевшую псину? Я нехотя заставляю себя подняться, кое-как одеваюсь и на цыпочках, взяв поводок, отправляюсь на улицу, предвкушая успокаивающий, влажный, йодистый шум прибоя. Подышу океаном, пробежусь – и засну нормальным крепким сном.

Муж не проснулся от нытья собаки. Странная привычка закладывать уши берушами, живя почти на берегу океана. Когда мы покупали эту квартиру, он говорил, что готов слушать прибой день и ночь, а потом стал затыкать уши. Да, океан никогда не молчит, это стоит учитывать, если собираешься жить на первой линии.

Дочь с зятем спят в своей дальней комнате и тоже не могут услышать скулящего Бима.

Пес с силой тянет поводок, рвется в сторону парка. Я еле успеваю за ним, спокойной прогулки не получается. Сонливость сменяется раздражением. Я ругаюсь на собаку, на себя, на эту нелепую прогулку. В конце концов спотыкаюсь, подворачиваю ногу. Бим нервничает, потом, словно в припадке, падает, прижимается к земле, распластавшись во всю длину, как раненый лев у Хемингуэя. Словно хочет спрятаться. Воет. Мурашки бегут по моей спине вместе с тревожными мыслями о пропущенной прививке. Неужели Бим заболел? Я склоняюсь над собакой, пытаюсь понять, что с ней происходит. И вдруг земля с гулом уходит из-под ног. Я проваливаюсь, я лечу вниз. У меня кружится голова. Потом я взлетаю, как на батуте, подброшенная неведомой силой. Я падаю. Удар. Затылком. Яркая вспышка в глазах. И все...

Прихожу в себя, но не могу открыть глаза. Слышу, как рядом скулит пес. Он облизывает мое лицо. Омерзение от липкого и мокрого собачьего языка, горячего и влажного дыхания дрожью проходит сквозь мои позвонки. Меня передергивает. Бим же продолжает истерично вскрикивать.

«Фу! Бим!» – кричу на него, с отвращением вытирая лицо рукавом. Терпеть не могу эти слюнявые нежности. С трудом заставляю себя открыть глаза, пытаюсь подняться на ноги. Я была без сознания? Что произошло? Не знаю. Города нет? Или город есть, но его не видно? Повсюду дым и крики.

Деревья в парке наклонились в разные стороны, а земля пошла волнами или провалилась, образовав воронки.

Шум, вой сирен со всех сторон. Может, мне кажется? Галлюцинации, или это мне снится? Я умерла?

Я не знаю, как умирают люди и что чувствуют при этом. Все эти тоннели со светом в конце, видеть себя со стороны или сверху... Как однажды это произойдет на самом деле?

Моя правая кисть обмотана собачьим поводком. Из разбитой головы сочится горячая кровь, волосы прилипли ко лбу и щекам. Мои колени и руки в грязи. Я чувствую горячее, грязь, боль, значит, это не смерть.

Я пытаюсь высвободить руку из поводка, но сильный пес неистово дергает и тянет меня в ту сторону парка, где висится скала. Да, мы там часто гуляем, со скалы открывается прекрасный вид на океан.

Бим рывками тащит меня в сторону горы. Мне остается только бежать за псом, не разбирая дороги, спотыкаясь, напролом через колючки и густые заросли. Наконец мы добираемся до вершины, до смотровой площадки. Пес садится на задние лапы, скуля и трясясь всем телом.

Он смотрит в океан. Я тоже смотрю – и не могу найти океан. Обнаженное дно зияет, как открытая пасть голодного монстра. Горизонт бурлит, раздувается, что-то надвигается на нас. Вскоре волной накатывает гул. Океан идет на нас со скоростью несущегося на всех парах поезда.

Пляж, куда люди выходили на прогулки и пробежки, выносили раскладные стулья и фотокамеры, чтобы останавливать мгновение и созерцать перенасыщенные красками закаты, где в синей мгле жгли костры, где ветра раздували паруса, где наслаждались и любили. Свинцово-бурая густая масса нахлынула – и ушла вглубь разрушенного, дымящегося и воющего города, пенясь и бурля, неся с собой кучи мусора и обломков, жадно поглощая все на своем пути. Накатывало бредом, как во время чтения «Улисса». Как в кино, как в недочитанном сценарии, который хочется отложить, не читать, не открывать и не резюмировать.

«Это сон! Незаконченный сон, – говорит мой незнакомый хриплый голос, чужие пальцы сжимают мои пульсирующие болью виски. – Проснись уже, это просто кошмар, я сплю, я не могу проснуться! Господи, скажи, что это сон!»

Тщетно пытаюсь проснуться – как в детстве, когда кричишь от ужаса, когда летишь в пропасть и из всех сил пытаешься понять, что это сон. Проснусь, пойду на пробежку с собакой! Я бегу вдоль океанского берега, а на другой стороне за городом восходит ясное, чистое и свежее солнце нового дня...

Но я не проснулась.

Сегодня нет восхода. Солнце задернуло свой лик темными шторами. Вместо рассвета – мутные сумерки, открывшие страшную картину катастрофы.

Я сижу на скале, обхватив голову руками и раскачиваясь всем телом. Возможно, это атомная война. Я выжила, но мне теперь некуда идти, а завтра я умру мучительной смертью от радиации, выплевывая свои кишки. Меня не удивляет эта мысль. На Евразийском континенте – война. Наши уши привыкли к военным слухам. Арабский мир непрерывно грозил своим противникам атомными атаками. Может, это оно?

Я смотрю в сторону моего дома, но не могу найти его. Его нет, он исчез, или я его не вижу? Мне некуда больше идти.

Позже я узнаю. Моей семьи нет. Дома нет. Города нет. Нет жизни, нет счастья. Есть боль и отчаяние. Мы остались вдвоем, я и моя обезумевшая собака, в этом грозном и холодном мире.

Я не помню, как прошли первые несколько месяцев после катастрофы. Мой разум затух, моя память то и дело отключалась. Мы живем в каких-то шелтерах. Психологи со всего мира пытаются всем помочь. Не помогает, легче не становится.

Я виню себя в гибели семьи. Бессловесный пес разбудил меня, увел на безопасное расстояние, затащил на гору, когда пришло цунами. Но тогда, покидая квартиру, я даже подумать не могла, что надо было поднять всю семью, забрать их с собой...

Я торгуюсь. Бим должен был разбудить не меня. Бим ошибся, его ангел велел спасать Мэри. Он перепутал дверь. Это Мэри должна была оказаться на горе вместе со своим нерожденным малышом. А я осталась бы погребенной под бетонными плитами вместе с мужем. Я виновата во всем просто по факту своего существования. Если бы не я, пес разбудил бы Мэри!

Мама умерла в госпитале, успев благословить меня, свою выжившую дочь, старинным крестом, привезенным из России еще в начале этого века. Она держала этот крест на груди, когда ее откопали из-под завалов. Мы с мамой успели попрощаться. Ее район не накрыло цунами. После смерти мамы я еще кое-как держалась несколько месяцев. Бим не давал мне уйти из этой жизни. После катастрофы мы не разлучались с собакой ни на минуту, я спала, обнимая его лохматую теплую спину. Теперь мне все равно, что собака лежит в моей постели. Все равно. У меня нет постели. Я и собака слились в едином страдании. Мы поседели, обратившись в пепел. Мне говорили, что собаки берут на себя тяжесть скорби. Бим умер от скоротечного рака сердца, найдя последний приют у подножия той самой горы, где спас меня от цунами.

Похоронив собаку, я окончательно потеряла себя. Пришло и мое время выйти из этого бессмысленного круговорота существования. Мне было всего сорок пять. Моя оболочка, носящая слабые остатки дыхания жизни: седая старуха с шаркающей походкой, одетая в безразмерное тряпье из гуманитарной помощи.

Я сижу на кровати, держа в руках пластиковый оранжевый пузырек, и смотрю на этикетку с пляшущими цифрами и буквами. Внутри флакона – мое освобождение, мелкие белые таблетки.

Уснуть и больше не просыпаться. Или проснуться в старой жизни, в ту жуткую ночь, собрать всю семью и отвести их на гору, позвонить маме и сказать, чтобы срочно уходила из дома. Так угасал мой разум в угаре отчаяния.

Соседка по шелтеру вернулась вовремя. Она все сразу поняла. Присела возле меня. Взяла мою руку, сжимающую пузырек с лекарством. Ее ладони прохладны.

«Элен, послушай меня. Ведь мы все умрем когда-нибудь. Обязательно умрем. Ты поживи еще сколько Бог даст. Не торопи события. Ты попробуй! Жить! Бог любит тебя сильно-сильно. И если Он забрал их сейчас, значит, для них так лучше».

Я с криком швыряю пузырек на пол. Таблетки мелким бисером рассыпаются по вымытому линолеуму. Соседка что-то говорит про русский собор, советует пойти туда, к святому Иоанну. Не слушаю ее.

Я давно не слежу за временем, но оно, по слухам, идет.

Однажды во сне я вижу невысокого старика в длинном одеянии, в очках в старомодной оправе, с посохом. Он называет меня не моим именем. «Так бывает во снах, – думаю я. – Когда ты – не ты». Старик касается теплой рукой моей больной головы. Я чувствую тонкое благоухание, напоминающее церковный ладан, цветы и весну одновременно.

Я проснулась. Боли не было. Приток новой, неведомой еще энергии дал возможность подняться с кровати. В то же утро я пешком (транспорт в городе почти не ходил) отправилась в русский собор. У меня появились силы идти.

Я пробираюсь через многочисленные стройки возрождающегося города до тех пор, пока не вижу вдали желтые купола с крестами¹. Собор устоял во время землетрясения и не был разрушен, как и два квартала вокруг него: лишь немного пострадал цокольный этаж, залитый морской водой во время цунами. Воду откачали, и теперь подвал сушили перед покраской.

Служба только что закончилась, народ расходился, во дворе собора раздавали гуманитарную помощь и накрывали горячий обед для всех пришедших. Меня окружило прохладное полупустое пространство храма, я смогла вдохнуть полной грудью – впервые после катастрофы. Новизна чувств открывала передо мной двери. Непривычно, похоже на выход из комы, как бывает на пороге новой жизни. Я создавала кино, я читала это в сценариях, я видела это в сотнях дублей.

Справа – рака святого, обильно усыпанная записками, в которых люди изливают свои просьбы и горе. Эта старая традиция – писать преподобному святителю Иоанну письма – до сих пор жива. Я слышала об этом раньше, а сейчас увидела своими глазами. Я стою на коленях и вижу на мраморном полу капли своих слез, первых, как теплый весенний дождь. Я чувствую на голове руку святого.

«Ты моя». Я вспомнила, что слышала это в своем ночном видении. Я не сказала святому Иоанну ничего, все мои слова унесли слезы, все смыслы и без слов ему понятны. Далеко не все надо облекать в слова. Момент откровения, когда не знаешь, находишься ты на земле или

¹ Собор иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» (Радосте-Скорбященский собор) – православный храм в городе Сан-Франциско (Калифорния, США), кафедральный собор Сан-Францисской и Западно-Американской епархии Русской православной церкви за рубежом.

на небе, не знаешь, сколько времени прошло, потому что времени нет. Оно исчезает вместе со всеми заботами и чувствами.

Мое внимание привлекли маленькие брошюры возле свечного ящика, приглашающие посетить женский монастырь Святого Паисия в Аризоне². Они лежали здесь еще до катастрофы и успели покрыться тонким слоем пыли, приносимой с уличныхстроек. Как странно. В этом храме словно ничего не случилось. Я вышла из церкви, уже зная, что еду туда, в Аризону. Здесь, в разрушенном городе, меня больше ничего не держит. Элен умерла вместе с Мэри и всей семьей.

Старой жизни больше нет.

Я впервые вижу голубое небо и цветущий несмотря ни на что куст. Его ветви обломаны цунами. Он – как ободранная, побитая, но обрадованная жизнью дворняга. Уцелевшие ветви с ярко-пурпурными цветами. Несколько разморенных шмелей, жужжа и перебирая мохнатыми лапами, пикируют на развернувшиеся от тепла лепестки. Куст наслаждается подаренным светом, он словно щурится, подставляя остатки листьев под струи солнечного дождя...»

² Православный монастырь Святого Паисия. Восточно-православная женская общежительная община в Саффорде (Аризона, США), которая следует традиционным правилам сербской монашеской жизни. Монастырь расположен в Высокогорной пустыне Сонора у подножия горы Грэм.

Часть первая. Из Аризоны (Саффорд) до Монтаны (Миссула)

Глава первая

Аризонская пустыня Сонора³, монастырь Святого Паисия. Среда Страстной недели, 9 апреля 2064 года.

После литургии я вернулась в свою келию, чтобы немного передохнуть. Монастырские дела очень скоро побеспокоят снова. Монастырь готовился к Пасхе, завершались последние приготовления. Приятные предпраздничные хлопоты, но на сердце отчего-то беспокойно.

Молилась, мелодично перебирая истертые шерстяные четки, как пианист перебирает пальцами невидимые клавиши, играя одному ему известную мелодию. Исихия – умная молитва, тайная музыка глубин нашего сердца. Рассеянным взглядом окинула иконы на стенах келии. Солнечный луч, как птица, бившийся в окно, вдруг прорвался сквозь узкую щель в занавесках и замер на светлом золоте старинного латунного креста, привезенного из России моей покойной матерью. Я прикрыла глаза.

Шел семнадцатый год с того дня, как я, Элен Розенберг, потерявшая свою семью в катастрофе, пришла в монастырь. В монашестве получила имя Вирджиния, в честь святой мученицы Евгении.

Свою жизнь я встретила в рыжих кирпичных стенах районного родильного дома на Ленинском проспекте в начале наступившего XXI века. Детство и юность прошли на тополиных московских улицах. После внезапной смерти отца, мама снова вышла замуж. А когда мне исполнилось шестнадцать, семья по инициативе отца уехала из России в поисках лучшего будущего в совершенно незнакомую для нас Америку. После High School я изучала режиссуру и кинематографию в Бостонском колледже – месте своей мечты. Там нашла гораздо больше, чем ожидала, встретив еще и своего будущего мужа – Мишу Розенберга. Миша – американец в третьем поколении, предки которого уехали из Одессы в смутные времена революционных переворотов. Он почти не говорил по-русски, так как последнюю русскоговорящую бабушку застал еще в раннем детстве. Русский Миша довольно сносно выучил, уже живя со мной.

Мы с мужем гордились своей яркой историей любви, казавшейся другим банальностью и ретроградностью.

Михаил занимался кинематографией – делом, которому отдал всю свою жизнь, я с увлечением работала в должности сценарного редактора. Мы настолько любили свою работу, что, обсуждая профессиональные темы, могли забывать обо всем.

Бог подарил нам единственную дочь Марию, по-домашнему звали ее Мэри. Она окончила колледж, работала, вышла замуж, как говорила, по головокружительной любви. Новость об ожидании первенца стала для нас всех восторгом. За пару лет до замужества дочери в семье появился четвероногий друг – золотистый ретривер по кличке Бим, любимый всеми за веселый и легкий нрав. Наша квартира в одном из лучших районов Сан-Франциско, всегда наполненная легкими шагами ветра, радовала мирными видами просторов Тихого океана. Моя мама в то время жила в маленьком домике тихого цветущего пригорода, коих несчитанное количество было раскинуто по холмистой местности западного побережья. Мы наслаждались полной текущей мгновением без мыслей о будущем и сожалений о прошлом.

³ Одна из самых крупных и самых жарких пустынь Северной Америки. Также известна как пустыня Хила.

Землетрясение за несколько минут разбило тонкий хрусталь нашего благополучного и безоблачного бытия.

Семь мощнейших подземных толчков почти полностью разрушили прекрасный Сан-Франциско и половину Калифорнии, многократно превзойдя последнее мощное землетрясение 1906 года.

Разлом Сан-Андреас⁴, о котором за последнее столетие говорили все, на этот раз очень громко заявил о себе, лопнув, словно обветшалый шов на штанах толстяка. Вслед за разломом знаменитый мегавулкан Yellowstone⁵ пробудился от многовекового сна и заревел. Нет, он не взорвался, он грозно выпустил наружу тонны перегретого пара, а потом из него, как зубная паста из тюбика, медленно и лениво поползла адская начинка из огненной лавы. Она заполнила древнюю кальдеру как озеро, горящее огнем и серой. Прекрасный заповедник с гейзерами и горячими источниками исчез навсегда менее чем за сутки, превратившись в стомильную зону отчуждения.

За пару дней до извержения парк покинули все животные, малые и великие, от реликтовых бизонов до мелких грызунов. Откуда они узнали? Возможно, у них свои источники информации, недоступные человеку. Парк закрыли для туристов, эвакуировали сотрудников и жителей близлежащих деревень, боясь паники и слухов, стали ждать. Сейсмостанции во всех тектонически активных точках мира подозрительно молчали, дружно проснувшись, как в фильме-катастрофе, за пятнадцать секунд до первых толчков в многомиллионном Сан-Франциско. Извержение и землетрясение произошли не прогнозируемо. Древний вулкан, видимо, был разбужен лопнувшим разломом. Многие вулканы, спавшие столетия, тоже проснулись, прочистили свои меха, откашлялись, выбросив столбы дыма, пепла и камней, и запыхтели, как разогревающиеся паровозы в паровозном депо, готовые выйти в путь.

⁴ Расположен в Калифорнии, США. Является частью тектонической границы между Тихоокеанской плитой и Североамериканской плитой. Протяженность примерно 1200 километров (750 миль).

⁵ Йеллоустон, Йеллоустонская кальдера – вулканическая кальдера в Йеллоустонском национальном парке на северо-западе США. Кальдера представляет собой чашу размером 55 км на 72 км, она занимает треть территории одноименного национального парка.

Глава вторая

Ум по привычке неудержимо стремился туда, где остались мои близкие. Разум, уходящий в прошлое без необходимости, чужд настоящему. Тот случай, когда память превращается в искусство фантасмагории.

Я слышала каждый свой вдох, пытаясь сбросить тяжесть воспоминаний, отвлечься на обыденные заботы. Я переключила внимание со своих воспоминаний на насущные хлопоты.

Странный год начался со странного Рождества: пустыню на три дня замело снегом по колено, словно укутав ее в саван. Сейчас явилась и необычная пышная весна.

В этом году на Пасху паломников очень мало, не то, что в прошлые годы. Утром разместились несколько женщин, точно их не запомнила. Мужчина с мальчиком лет восьми-десяти. Кого-то этот мальчик мне напомнил. Не важно. Обычно к Пасхе монастырь переполняется, но почему-то не в этом году. И хорошо, все к лучшему. Не всегда радуешься многолюдству. Скорее наоборот. Хочется и радость с другими разделить, и побыть в тишине. Такая дилемма. Страстная неделя только началась, впереди насыщенные, напряженные службы, а потом Пасха. Обычно испытываю страх перед наступлением Страстной недели, перед этой неосознанной необходимостью пережить страдания вместе с Христом. Перенестись туда, в то время, в Иерусалим, на Голгофу.

Наш любимый с Мишей режиссер так точно передал боль этих страданий. Именно боль. С некоторых пор боль стала запрещенной. Человек не должен ее испытывать, даже если ему на самом деле больно. Человек должен отрезать мозг от нервов, должен перестать чувствовать, должен находиться в комфорте и безопасности. Только мы не рассчитываем на комфортное существование: ведь его, как правило, не бывает.

Тревоге и усталости свойственно накапливаться. Неопределенность в жизни вызывает тревогу, которая забирает силы. Усталость не дает мыслить, разум плывет по течению. Всегда это замечала, когда силы на исходе. Ожидание неизбежного, понимание, что нельзя расслабляться, и еще большее утомление, и отрицание худшего сценария. Когда психика говорит: «не сейчас», «не тронь меня».словно стоишь над пропастью, надо прыгать и лететь, но не сейчас, еще немного, еще пять минут, хотя бы две минуты, хотя бы один вдох... Это не страх, нет, это безысходность. Когда кажется, что не можешь двигаться, не можешь жить, дышать, а хочешь погрузиться в сон разума, уйти от неизбежности.

Тревога нарастала все больше с каждым годом. Она шла словно из недр земли, из Инферно. Нет, не последние заморочки правительства возбуждали эту тревогу, а ожидание начала больших бедствий, тех, что сковывают сознание, парализуют волю. Ожидание. Выбор между Христом и миром становился слишком трудным, если относиться к жизни привычно просто и рационалистически, думая, что ошибки не несут глобальных последствий.

Новое религиозное мышление. К нему нас двигали годами, шаг за шагом. Оно привело к нивелированию самого смысла и сути покаяния. Приходи таким, какой ты есть, а мы обязаны принять это. Не покаяние для спасения души, а принятие греха как нормы, как бы полное упразднение греха, стали называть христианской любовью. Новый мир – мир Фауста, лишенный каких-либо моральных ограничений. Мир свободы богоотступничества. Мы это увидели.

«Иди и больше не греши», – так сказал Спаситель женщине, спасенной от побивающих камнями. Сейчас же скажут: «Иди и делай как раньше, как хочешь, все будет хорошо». Подмена понятий и попытка усидеть на двух стульях привела многих к номинализму, иссушающему, словно печным жаром, живую влагу веры. Мы не заметили, в какой момент грамматика стала важнее души. Спор за душу Иова с Сатаной – это спор о том, сохранит ли Иов веру, если у него все отнять, а спор за Фауста между Богом и Мефистофелем – о том, что Фауст ни перед чем не остановится в своем стремлении обрести сверхзнания.

На деле это обернулось запретом самой возможности покаяния, попыткой через запрет таинства проникнуть в сердца людей, санкциями к тем церквям, которые продолжали принимать кающихся. Новые гонения пришли в мир мягкой кошачьей поступью.

Нас, несогласных с новым религиозным мышлением, назвали «сопротивленцами», с каждым годом все жестче и жестче притесняя основные мировые конфессии. Но те, что сдались под натиском давления, согласившись с провозглашенными мировыми человеческими ценностями и признав их, сейчас в еще более худшем положении.

Рванные мысли всегда приходят перед погружением в сон. Мыслям не за что зацепиться, они скользят, словно альпинист по ледяной стене. Одна сменяет другую до тех пор, пока мозг, перегруженный информацией, не начинает отключаться. Я не могла больше сопротивляться падению в сон, новый вдох унес сознание в тень. Тяжесть, словно свинцом, вдавила меня в кресло и потянула вниз, глаза закрылись, мысли растворились.

Глава третья

Из ступора меня вырвал визгливый, как скрежет тупого гвоздя по стеклу, звонок телефона внутренней связи. В ту же минуту в келию без стука и положенной молитвы ворвалась покрасневшая и взъерошенная, с выбивающимися из-под платка волосами инокиня Ангелина.

– Матушка, – задыхаясь от бега, закричала она, – матушка, беда! Матушка, беда!

Я резко вскочила с кресла, едва не потеряв сознание: голова закружилась, в глазах потемнело. Прижав холодные пальцы к пылающему лбу, еле слышно спросила:

– Что случилось?

– Военные, очень много военных у ворот монастыря! Звонили в домофон, требовали немедленно открыть ворота, говорят, что у них какое-то предписание и... и... что они уполномочены войти на территорию и без разрешения! Я сказала, что здесь частная территория, а они сказали, что если я немедленно не открою ворота, то они войдут силой и это будет расценено как сопротивление и препятствие... – Ангелина захлебнулась воздухом, хватая его ртом, как рыба, выброшенная на берег, и, выкатив в ужасе глаза, закачала головой.

– Спокойно, Ангелина, не надо так кричать.

Я сдавила пальцами пульсирующие виски, пытаюсь унять головокружение, и всмотрелась в экран монитора. Монастырский двор и парковка для паломников быстро заполнялись военными джипами и вооруженными солдатами, как заполняется водой бассейн из открытого пожарного гидранта.

– Сейчас мы к ним выйдем. Зови Тамару и Ксению, они пусть тоже выходят со мной. Остальным скажи сидеть по местам и не выходить, что бы ни случилось. Надеюсь, военные приехали с какими-то пустыми формальностями, – бросила я, стремительно выходя из келии. Успокаивая Ангелину, понимала, что на этот раз пустыми формальностями вряд ли обойдется.

Из первой машины выпрыгнул высокий, крупный командир с закрытым балаклавой лицом.

– Кто здесь главный? – прокричал он грубо, обводя недобрым взглядом четырех монахинь.

– Я, игуменья Вирджиния, – выступила вперед, стараясь сдерживать волнение. По крайней мере не показывать его ни перед сестрами, ни тем более перед представителями власти.

– У нас для вас предписание! Я, Джейсон Смит, Unit commander with the Constitution Defense Agency, уполномочен ознакомить вас с предписанием правительства Global Free States Association, обязательным к немедленному исполнению.

После третьей мировой войны человечество, пресытившись войнами и конфликтами, признало главной ценностью мир и безопасность. Но последовало за этим вовсе не мирное и свободное существование. Еще большее зло охватило разумы людей.

«Ибо, когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами [постигает] имеющую во чреве, и не избегнут»⁶.

Для восстановления изнуренной войной цивилизации и прекращения всех противоречий и столкновений, при поддержке прогрессивной общественности и крупных корпораций образовалась Global Free States Association (GFSА) или, Международная Организация Свободных Государств (МОСГ), – так гласили многочисленные пропагандистские лозунги, убеждающие планету, что только единством и объединением всех держав возможно прекратить насилие как явление. Искоренить его полностью.

Военные, перекрывшие вход в монастырь, замерли по стойке *safehang*, командир открыл планшет и стал зачитывать предписание. Порывы горячего, пахнущего терпкими травами

⁶ 1 Фесс. 5:2,3.

пустынного ветра понесли клубы пыли в сторону церковной базилики. Зашелестели, а потом внезапно замерли кроны деревьев, словно прислушиваясь к происходящему. Лишь собаки не желали молчать, заходясь яростным лаем в своих вольерах. Монастырь в дикой Аризонской пустыне, населенный двумя десятками безоружных и беззащитных женщин, вынужден был держать собак. С наступлением темноты койоты, гиены, гигантские ящерицы, пустынные львы и пумы, обитающие в здешних безводных местах, выходят на охоту. Собаки исправно несли ночную службу, охраняя всю территорию по периметру от пустынных голодных хищников и от лихих пришлых людей.

Командир отряда никак не реагировал на нарушителей тишины. Казалось, это терминатор, вышедший из культового фильма конца восьмидесятых. На самом деле он человек, который просто выполняет свою работу, как любят говорить американцы. Вечером дома, как в голливудском клише, его ждет любимая жена и двое милых детей, и он скорее хочет отделаться от этого каждодневного, по горло надоевшего дерьма.

После формального представления полномочий и нескольких многозначительных пауз командир наконец зачитал само предписание, выданное сегодняшним числом монастырю и всем его насельникам. В документе говорилось, что монастырь, пять лет назад получив статус сопротивленческого, так и не предоставил контролирующим органам резолюцию толерантности, по которой мог вернуть себе легальный статус религиозного заведения. Из этой витиеватой терминологии (а новые власти очень любили сложную риторику) следовало, что время, данное на признание законов толерантности, на реабилитацию и снятие поражения в правах, истекало с сегодняшнего дня.

Я и три монахини застыли перед военными. Ветер теребил полы наших одежд. Мы пытались уловить смысл зачитываемых фраз.

– В связи со всем вышесказанным выходит новое предписание. Все проживающие в монастыре, называющие себя насельниками, послушниками или гостями, не могут больше находиться на данной территории. Гости могут быть свободны. Насельники обязываются переселиться в зоны отчуждения. Вам выдается предписание в двадцать четыре часа покинуть монастырь. Церковная собственность и земли подлежат государственной секуляризации. Вы имеете право взять с собой личные вещи, провизию и хозяйственное имущество, а также транспортные средства для перемещения к пункту назначения. Международным бюро перемещений вам будет выдана заверенная маршрутная карта. Маршрутная карта сегодня появится на электронной учетной странице вашего монастыря, – офицер продолжал зачитывать документ.

После войны в мире появилось еще одно цифровое бюро слежения за перемещением граждан. Если раньше можно было путешествовать по планете, не ставя никого в известность, то теперь новая власть нагородила диспетчерских пунктов, куда граждане обязаны были подавать заявку на перемещение свыше ста миль дальностью.

«Безопасность превыше всего», – говорили власти. Все делалось для блага человечества и человека. Идешь в диспетчерский центр, регистрируешь маршрут и едешь, получив разрешение и маршрутную карту, как раньше в авиации.

Далее офицер зачитывал возможные зоны отчуждения, которые начинались на севере Канады, начиная с южной границы Аляски, уточнял, что монастырь выселяют именно на Аляску, и что при пересечении границы отчуждения монастырь получит точные координаты места проживания. Возвращение за границы отчуждения запрещено и невозможно.

– В случае неповиновения, – продолжил командир, – все находящиеся и оставшиеся в монастыре вне зависимости от возраста и гражданского статуса подлежат физической ликвидации. Какие-то вопросы? – сухо обратился он ко мне.

– Да, сэр, – произнесла я чужим, странно глухим голосом. – Правильно ли я поняла, что мы не можем оставаться на своей частной территории? – Сердце билось, но я старалась не выдавать волнения.

– Да, мэм, все верно. Сейчас вы получите предписание и еще раз подробно с ним ознакомитесь.

– А если мы примем решение остаться?

– Еще раз повторяю: все оставшиеся будут подлежать физической ликвидации. Поверьте, мэм, сопротивление бесполезно, вам лучше не идти на такой необдуманный шаг. Сохраните свои жизни. Правительство дает вам последний шанс, стоит им воспользоваться.

– Да, сэр, я поняла. Мы можем собрать вещи, сесть на свой транспорт и следовать по маршрутной карте на Аляску. Раньше границы отселения мы не имеем права оставаться жить. Все верно?

– Все верно, мэм, остановки допускаются только для отдыха по пути следования. Маршрутные удостоверения, которые будут подтверждать ваше легальное перемещение, вы получите в течение этих суток на электронную страницу учета вашего монастыря. Они дают гарантию беспрепятственного прохождения всех блокпостов на пути следования. Хорошего дня, мэм, и счастливого путешествия.

– И вам, – в растерянности, чуть слышно произнесла я.

Командир привычным прыжком вскочил в свою машину, дал знак другим – и кортеж, поднимая клубы пыли, с ревом вылетел за монастырские ворота.

Ветер принес запахи сухих трав, свежих цветов и многоголосье пустынных птах, воспевающих пустынную весну, и унося пыль и вонь выхлопных газов. Уставшие от лая собаки разом умолкли.

Глава четвертая

Шестнадцать лет назад в такую же цветущую пору я приехала сюда попуткой из Тусона. К воротам монастыря на своем ржавом пикапе меня подвез мой будущий друг Гонсалес. Я не думала оставаться в монастыре надолго, я вообще ни о чем не думала. Планов на жизнь не было. Когда жизни нет, то нечего планировать. Тогда ко мне только-только, робкими шагами начинали возвращаться цвета, запахи, звуки природы. За прошедшие после катастрофы месяцы я почти отвыкла от них. Всякий раз удивлялась, когда что-то начинала ощущать заново. Это было похоже на отходящую анестезию после удаления зуба – сначала не чувствуешь ничего, а потом постепенно начинает отпускать.

Я пришла в монастырь на Пасху 5 апреля 2048 года, спустя восемь месяцев после гибели семьи.

Буйство красок цветущей пустыни растапливало лед, сковавший мою душу. Тот год, как и нынешний, был годом особого цветения. Такое в пустыне встречается раз в несколько лет. Та самая редкая вспышка, когда словно по сговору зацветает все, что может цвести, играя всеми оттенками симфонию торжества жизни, ее возрождения, когда всякое дыхание и всякое биение жизни громогласно славит своего Творца.

«Я стою возле закрытых ворот монастыря, пытаюсь впитать тепло уходящего дня, а на самом деле тяну время, не решаясь нажать на никелированную кнопку домофона. Ворота, закрывшись за моей спиной, окончательно разделят меня с моим прошлым, они отрежут его от меня, как ножницы. Но какая разница, если я все равно умерла? Мертвых не режут. Или я сегодня шагаю в новую жизнь? Кнопка звонка смотрит на меня своим зеркальным глазом и, должно быть, не может понять, почему я медлю. Я смотрю на солнце, которое стремительно уходит за синеющую гору, проваливается туда, как в колыбель, протягивая ко мне последние розовые лучи. Я нажимаю кнопку домофона. Играет мелодия. Я надеюсь, что мне не ответят, меня не примут. Я развернусь и пойду назад по темнеющей дороге, до ближайшего мотеля... Мне открывают. Я делаю шаг, еще шаг – не оглядываюсь назад. Я слышу, как сзади тихо закрываются ворота, а впереди шумят эвкалиптовые деревья, потревоженные порывом теплого ветра.»

– Тамара и Ангелина, – обратилась я к сестрам, – собирайте всех в храме на молебен, а я пойду будить отца Роберта.

В прошлом году отца Роберта прислали служить в женский монастырь. Он был стар и слаб, но со службами все еще справлялся. Щуплый, маленького роста старик с седой, аккуратно подстриженной докторско-профессорской бородкой.

– Отец Роберт, молитвами святых отец наших... – громко постучала в дверь маленького домика, спрятанного под раскидистыми эвкалиптами.

В ту же секунду дверь распахнулась, и на пороге возник священник – в дорожных ботинках, но с епитрахилью. Ожидала увидеть его заспанным после отдыха, думала, что придется долго стучать, а отец Роберт может и не открыть. Последнее время он часто запирался в своей хижине и почти не выходил из нее – якобы по старческой немощи. Даже на трапезу редко оставался, уходя после службы к себе и не появляясь до самого вечернего богослужения. Сестры приносили священнику еду прямо в келию, он не открывал, пищу ставили на порог и уходили. Убедившись, что за дверью никого нет, отец Роберт приоткрывал дверь, высовывал в узкую щель руку и быстро забирал кушанье. К его затворничеству относились с пониманием, связывая его с возрастными чудачествами.

– Я здесь! – торжественно произнес отец Роберт, поднимая руку для благословения. – Я ждал этого момента, – еще торжественнее, словно выступал на сцене театра, добавил он. – Идемте. Восхождение на Голгофу началось! Трудный и тернистый путь, но нам предстоит его

пройти. Надеюсь, цирк уехал? – Священник хитро подмигнул правым глазом, сменив пафосный тон на заговорщический. – Жаль, вы не спустили на этих мерзавцев своих верных псов. Вот они задали бы сукиным сынам хорошую трепку. Надрать бы им задницу!

– Вы все юродствуете, отец. – В носу у меня защекотало, как бывает, когда хочется заплакать. Хотелось сползти по стенке от бессилия. А лицо священника сияло восторженной улыбкой беззаботного ребенка.

– Я ждал этого момента, я жаждал его. Не плачь, дочь моя, – театрально закидывая руки, с отчерченной дикцией сказал отец Роберт.

Мы поспешили в храм, где в тихом недоумении уже собрались все сестры, послушницы и паломники...

– Дорогие мои, я не буду долго говорить. Мы получили предписание от властей и должны покинуть монастырь в течение суток...

Послышались всхлипы и вздохи. Я подождала, пока все умолкнут, перевела дыхание, пытаюсь собраться с силами.

Кажется, по моим щекам потекли слезы. Я не плакала много лет, с того самого времени катастрофы, когда первый раз расплакалась в соборе, стоя у мощей святого Иоанна Шанхайского. Справившись с дыханием, я вновь заговорила:

– Нас выселяют на Аляску. Это уже точно. Всех сопротивленцев власти выселяют в северные земли. Вы вправе уйти из монастыря сами, вы не обязаны разделять наш путь. Кто не готов идти с нами, тот свободен с этой минуты... – Я запнулась. – Мы – странники и пришельцы на земле, теперь и изгнанники... Да, это неожиданно, но мы как монахи должны были быть готовыми к этому, потому что нам нет места в этом мире. Все делается для спасения... И простите меня, если чем-то кого-то обидела. Давайте помолимся и приступим к сборам.

На молебне все тихо плакали, даже юродивый отец Роберт стоял с покрасневшими глазами. Вопросы, оставшиеся без ответа. Надежда, что после молитвы придет ясность. Иллюзии, что это недоразумение скоро само разрешится. Все это словно висело в пространстве между круглыми сводами палевых стен нашей любимой базилики. Внезапно вспомнились строки из Блока:

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели⁷.

В храме ко мне подошла одна приехавшая семья, три послушницы и одна сестра, выразившие желание ехать домой. Потом мужчина с мальчиком.

– Матушка-игуменья, благословите с вами ехать, мы на своей машине. У нас почти новый трак повышенной проходимости, еще и груз поможем взять, – слишком бодро для такой ситуации отрапортовал паломник. Казалось, он предвкушает надвигающиеся приключения, как дети ждут долгожданного похода или каникул.

«Мужчина с ребенком... с нами?» – Я удивленно посмотрела на отца и сына.

Обычный монастырский богомолец средних лет, с виду – простой работяга, крупный, коренастый мужичок с медвежьей неуклюжестью. Его лицо не выражало ровным счетом никакой тревоги.

– Я понимаю ваше недоумение, – торопливо продолжил гость, – но если вы нас готовы взять, то мы едем с вами. Вам нужны мужские руки, а там, где творят такое беззаконие... Мы

⁷ Строки из стихотворения «Девушка пела в церковном хоре...» Александра Блока, написанного в 1905 году.

туда больше не вернемся, – сбивчиво объяснял он. Его сумбурная речь выглядела не очень убедительно, но допытываться до истинных причин его решения мне было некогда.

– Как ваше имя, простите, я не помню всех, – спросила я.

Мне показалось, что он выглядит надежно. Его добрые глаза внушали доверие. А может быть, я просто принимала желаемое за действительность. Хорошо бы спрятаться за такого в случае опасности, а то и переложить на его плечи часть ответственности. Возможно, это впечатление было внушено мимолетной женской слабостью, опасением, что будущие события окажутся нам всем не по силам. Так проявляется то самое упование на людей, за которое так хочется цепляться, как за спасительную соломинку.

– Майкл. Михаил... и отрок Даниил, – произнес мужчина по-русски, – паломники из Денвера, Колорадо.

– Вы говорите по-русски?

– Если трошки, то могу, – с улыбкой ответил Майкл, понимая, что его берут в поход.

Моего покойного мужа звали Михаил, а нерожденного внука хотели назвать Даниилом. Я сильно надавила пальцами на виски и снова прослезилась. Из-за спины Майкла выглядывал худощавый белокурый мальчик с большими, немного навывкате серо-зелеными любознательными глазами. Его щеки были усыпаны еле заметными веселыми веснушками, прямой ровный нос, тонкие губы, а личико казалось фарфоровым. Не мертвенным, как у кукол, а воздушным, полупрозрачным. Просвечивающие сосуды на висках, еле заметная тень под глазами только подчеркивали тонкость кожи. Что-то неуловимо аристократическое или ангельское было в этом ребенке, то, чего совершенно не наблюдалось в его отце, простоватом и незатейливом на вид.

Мальчик вновь спрятался за спиной отца, и видение исчезло.

– Да, я сказала, что каждый решает сам, мы не будем никому отказывать или отговаривать. Вы – взрослый человек, это ваше решение. Вы сами понимаете, насколько все сложно и мучительно, а возможно, и смертельно опасно. Я уверена, что вы все обдумали, – говорила, в глубине души уже желая, чтобы Майкл и его мальчик поехали с нами.

– Спасибо, матушка, мы постараемся оправдать ваше доверие. Обратного в мир мы не вернемся. Сказано, что не возвращайся взять одежду свою. Я только сейчас прочитал в сети: выселяют всех христиан и все христианские приходы, не признавшие новый закон о толерантности. Так, что и нас, мирян, рано или поздно попросят на выход.

– Вы сказали, уже сейчас выселяют? До нас новости так быстро не доходят, – переспросила я, пытаясь сосредоточиться. Пульсирующие второй час виски не давали покоя.

Майкл достал планшет, вероятно, желая показать новости, но меня перехватила Ангелина со списком вещей для сборов.

– Да полно тебе, Ангелина, не время обсуждать все до мелочей, остальное к Тамаре. Времени мало, а мне еще надо заехать к Гонсалесу.

И направилась к своему старенькому джипу.

Глава пятая

По пыльной узкой дороге я выехала из монастыря в сторону ранчо своего старинного друга Самуэля Гонсалеса. Монастырская дорога так и не была асфальтирована. Монахини каждый год думали об этом, но не стали тратиться напрасно. Решили, что нет легкого пути в спасительную обитель. Всех это устроило. Все равно асфальт тяжело приживается на жаре в пустыне.

Мысли вновь унесли меня на семнадцать лет назад. Тогда стояли совсем другие времена: последние вдохи свободы вероисповедания. Вера людей крепилась. Казалось, мир очищается после войны, череды стихийных бедствий и эпидемий... но нет. Это оказалась просто передышка, затишье перед новым рывком зла в мир. МОСГ утвердил Новую Конституцию с так называемым законом о толерантности, который обещал быть каретой, а стал гнилой тыквой.

Самуэль, как всегда, принял меня, свою добрую знакомую, с радостью. Увидев, что я выхожу из машины, он расставил руки и заковылял по дорожке навстречу. Гонсалес был уже стар, но еще бодро держался, ходил без палочки. Ранчо давно управляли его сыновья, но последнее слово в семье все равно оставалось за ним.

Мы прошли в просторную прохладную кухню. Самуэль усадил меня в кресло и тревожно посмотрел из-под лохматых седых бровей. Мне нравился запах этой кухни: что-то очень родное, домашнее, как в деревне у бабушки.

– Что-то случилось, *abadesa*⁸? Догадываюсь, пожаловала не с добрыми новостями? – Сэм закашлялся.

– Беда. Приехала просить у тебя помощи... и, наверное, попрощаться.

Только сейчас я заметила, как сильно Гонсалес постарел. Лицо изрезали глубокие морщины, появились мешки под глазами, цвет смуглого лица сделался сероватым. В прошлую нашу встречу Сэм выглядел гораздо лучше.

– Тебе воды со льдом и лимоном? Или чего покрепче?

– Сэм, я в порядке.

– Значит, воды.

Протянув полный стакан воды со льдом, Гонсалес напряженно присел напротив в плетеное из ротанга кресло.

– Уже догадываюсь, что произошло: здесь слухи ходят быстро... Все было очевидно. Говорил я тебе, *abadesa*, еще пару-тройку лет назад: откажитесь от этой принципиальности, все равно не устоите. Вспомни, *abadesa*, кто снимал Иисуса с креста? Иосиф Аримафейский – тайный ученик, тайный, подчеркиваю, и Никодим тоже был тайным. – Сэм многозначительно поднял вверх указательный палец. – А те кто были явными, те разбежались, все, кроме женщин. Так и вам следовало стать тайными! Разве не это я вам говорил? Тайное нести легче, чем явное, зачем лезть на рожон? Мы же с вами понимаем, в каком мире теперь живем. Переоцените свои силы – погибнете, а так сохраните себя и других, кто с вами, – Сэм тяжело вздохнул, чувствовалось, что он не справляется с сильной одышкой. – Мы с тобой дружим семнадцать лет, я тебя насквозь знаю, почти как отец, можно сказать. Послушай старика, возьми свой шанс, успокой власти, скажи им то, что они хотят услышать от вас. Пойди, наконец, на хитрость, стань умнее!

Самуэль говорил по-английски с сильным испанским акцентом. Русский и испанские акценты очень похожи, и сейчас мне казалось, что через Сэма говорит моя мама. Хотя мы с ней всегда общались по-русски, я прекрасно знала, как звучит ее английский. Наверное, мама

⁸ Настоятельница (исп.)

сказала бы мне сейчас то же самое. На секунду я испытала сомнения в правильности принятого решения, до боли стиснув в пальцах четки.

– Нет, Самуэль, поздно. Взявший плуг, не оборачивайся назад⁹. Помнишь, как обернулась жена Лота на горящий город? У нее там все осталось, вся ее жизнь, можно понять, почему она обернулась. Что с ней стало? Я всегда сочувствовала ей. Но здесь, Сэм, ты не прав. Я понимаю, ты мне это по любви говоришь, знаю, что добра желаешь, переживаешь...

– Ты не жена Лота, кхе, кхе, ты вообразила себя Моисеем! – подняв голос и белые брови, перебил Самуэль. – Слишком много берешь на себя! – уже прикрикнув, добавил он.

Сэм не умел говорить тихо, многолетняя жизнь на ранчо требовала громкого голоса.

– Когда я тебя первый раз встретил и вез до монастыря, знаешь, что подумал? Что ты сможешь многое, но можешь и не рассчитать своих сил, сломаться. Ты всегда была упертая, как мой старый мул, поэтому и стала игуменьей. Твоя предшественница, abadesa Сусанна, царство ей небесное, всегда все просчитывала, никогда не шла на риски. И сейчас не пошла бы. А когда ты встала на ее место, я сразу понял: ну все, держитесь... Прости меня, старика, боюсь за вас всех.

Вымучить улыбку у меня не получилось: видимо, страдальческая гримаса застыла у меня на лице, а кровь еще более прилила к вискам.

– Если бы я надеялась на свои силы, то не продержалась бы и года в монастыре. Вот ты Моисея упомянул, но он-то как раз на свои силы не рассчитывал. Он отказывался, но согласился с Богом, для него это был шаг полного отречения от себя. Собрать строптивый, непокорный и жестоковыйный народ и вывести его ночью в пустыню. Моисей вырос при дворе фараона, он жил в роскоши, как царский сын, не знал тяжких работ в поле. Представь, Сэм, такую картину! – Я подалась вперед, подняв перед собой руки. – Ночь, народ в полной дорожной экипировке поспешно ест Пасху, и выходит ночью в пустыню. Из своих домов, с насиженных мест... в пустыню, туда, где воют шакалы. Оставив за плечами всю привычную жизнь. Надо поднять сонных детей, вывести из домов ворчливых стариков, собрать блеющих овец, которые не хотят идти среди ночи. Сколько ропота, недовольства, бунтов пришлось терпеть Моисею, умирять их каждый день и каждый час. Вот это трудно было. А мы монахи, у нас нет ничего своего на земле. Уйдем отсюда, придем в другое место, какое Бог даст, и точно так же будем молиться. Разве кто-то может нас отлучить от любви Христовой? Что нас-то здесь должно держать?¹⁰

– Да, abadesa, с тобой не поспоришь. Я же говорю – упертая, – задумчиво покачал головой Самуэль. – Чем могу тебе помочь?

– Сэм, нам нужен грузовик и прицеп для перевозки наших кур – в обмен на все наше остальное хозяйство. Оборудование для пекарни, все ценное, что остается, заberi, пожалуйста. Коз, гусей, уток, собак можешь забрать? Позаботься о них. Попробуй еще и землю забрать, если власти позволят. Может, есть какая-то лазейка, чтобы переоформить на твое ранчо... И самое важное: мы не можем взять все святыни, все иконы. Но и оставить их на поприще нельзя. Мы сегодня соберем их в деревянную часовню святого Иоанна, и... – Я запнулась.

Сэм опередил меня:

– Земля и все дела на ней сгорят. Не бери в голову, я сделаю это, как бы ни тяжело было это сделать¹¹. Я скажу сыновьям, они подготовят то, что ты просишь, и помогут со сборами: время ведь совсем поджигает? Подожди минутку, я тебе дам еще кое-что.

⁹ «Но Иисус сказал ему: никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лк. 9:62).

¹⁰ «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? как написано:» (Рим 8:35).

¹¹ «Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят» (2 Петра 3:10).

Сэм, кряхтя, поднялся и, шаркая старыми разношенными кроксами, удалился куда-то вглубь дома. Он долго не появлялся. Слышно было, как звякают ключи, и, кажется, гремит металлическая дверь, затем – опять возня и шуршание. Я начала терять терпение. Ждут сборы, нельзя медлить, иначе можно не успеть... Засиженные мухами старинные кухонные часы неумолимо отсчитывали уходящие минуты. Здесь, в этой потемневшей от времени кухне, за семнадцать лет почти ничего не изменилось – разве что добавилась новая бытовая техника.

Сэм появился в дверном проеме, держа в руках две тяжелые брезентовые сумки.

– Слушай меня внимательно, – сказал он командным тоном, ставя на пол сумки. – Здесь два карабина с патронами.

Я открыла было рот, чтобы возразить.

– Comon, abadesa, не перебивай меня! Два карабина с патронами, патронов мало, но сколько есть. Здесь кэш, – Сэм потряс пухлым бумажным пакетом. – Да, тот самый добрый и старый кэш. На севере почти нет этих дурацких электронных денег, на севере любят то, что можно пощупать. И две бутылки односолодового виски, его очень ценит всякий сброд и не только. Не возражай! – разгибая спину и в упор глядя на меня, добавил Сэм. – Вам это все нужно, зуб даю. Спрячь где-нибудь в машине поглубже, пока будете проходить посты и границы.

Считалось, что в белых зонах организация предоставляет всем свободным гражданам «свободную» жизнь и гарантирует «закон и порядок».

До серых земель еще не дошли руки «всесильного» МОСГ: планета Земля оказалась слишком большой, а люди – слишком разношерстными. Когда одни покорно готовы были подписать все, что предлагалось, другие всеми силами старались избежать этого.

В серых зонах царила послевоенная неразбериха, комитеты самоуправления, свои местечковые законы и порядки. В серые земли продолжал стекаться самый разный люд, как когда-то всякий сброд бежал на свободные земли Дикого Запада¹².

МОСГ собирался выловить всех смутьянов, отправив в красные зоны, заставить трудиться на мусоропереработках на благо всего человечества. Бомжей, нищих, обитателей трущоб и даже инвалидов войны удалось собрать, как колорадских жуков с грядки, и отправить на принудительные работы. Но выловить тех, кто не относится к типу человека воспитуемого, подавленного и незащищенного, оказалось более сложной задачей.

– Ну, прощай, abadesa. Давай обнимемся. В последний раз в этой жизни видимся. Увидим там дальше, какой путь нам Господь уготовил. Я сам долго не протяну: эскулапы сказали, что у меня рак... Да, чуть не забыл, старый дурак! – Сэм хлопнул себя по лбу. – Ты Бима забираешь?

Два года назад Сэм внезапно прикатил в монастырь на своем древнем пикапе. Торжественно вызвал меня.

– Смотри, что у меня есть, – заговорщически, по-детски подмигнул он, когда я вышла к нему. И приподнял шевелящееся рваное одеяло. – Э! Как тебе?

Из-под драной накидки на меня смотрели два черных любопытных глаза. Розоватый нос что-то с интересом вынюхивал, крутой лоб в мелких кудряшках желтовато-бежевой шерсти смешно морщился.

Я всплеснула руками. Восторг, трепет, удивление, буря эмоций хлынули в мою душу.

– Бим! – воскликнула я, и в ту же минуту крепкий упитанный щенок оказался на моих руках. – Бим, – шептала я, глядя малыша по выпуклой голове, ощущая его приятную тяжесть.

– Как я тебе? Угадал с выбором? Забирай, он твой! Питомник забраковал его: на передних лапах по шесть пальцев, мутант. Хотели отправить на усыпление, я спас его. – Сэм, казалось, вел монолог сам с собой, потому что я, не слушая его, с детским восторгом прижимала к себе щенка. Казалось, что унеслась мыслями в свою далекую счастливую жизнь...

¹² Диким Западом называют центральные и западные земли США в период с середины 19 века и до начала 1920-х годов.

«Наши апартаменты в Сан-Франциско, мой день рождения. Отмечали сорок два года. Пришла Мэри с женихом и большой голубой коробкой, обвязанной атласными лентами. Внутри коробки – что-то тяжелое, живое. Возимся с лентами, смеемся. Там щенок цвета песка! Сопит. Кряхтит. Носим его на руках. Отпускаем на пол. Он тут же делает лужу. Вытираем, смеемся, идем на террасу пить ледяное шампанское. Я обнимаю за плечи Мэри, она – меня. Приходит Миша, открывает еще одну бутылку шампанского. Мы уже немного пьяны. Смотрим на океан, на закат. Кристально чистое, словно звенящий хрусталь, беззаботное счастье».

Из водоворота прошлого меня вытянул скрипучий голос Гонсалеса. Я вздрогнула, искрящаяся ваза воспоминаний разлетелась вдребезги. Вернулась темно-серая, как печатная газета, реальность.

– Так я не понял, ты Бима забираешь или с остальными собаками оставляешь?

– Я не уверена, Сэм. Я боюсь, что это путешествие не для собаки, он не доедет. Ты лучше сможешь позаботиться о нем, он тебя хорошо знает, ты же ему как второй хозяин.

– Как скажешь. Он будет в безопасности у нас, обещаю.

Мы вышли на улицу. Сэм помог загрузить сумки в джип.

– Благослови тебя Бог, Самуэль, и лечись, пожалуйста, рак теперь хорошо лечится, – я быстро запрыгнула в машину и завела двигатель.

Самуэль молча смотрел вслед удаляющейся машине. Он всю жизнь был добрым католиком, исправно ходил в свою церковь, но и монастырю помогал по-соседски. А несколько лет назад, когда все в мире стало разрушаться, начался весь этот разброд и шатания, Сэм принялся сначала робко захаивать на службы в монастырь, словно Никодим, приходил в храм тайно, стоял на службе незаметно и так же незаметно уходил. Но всякий раз, приходя в монастырь, он ощущал словно небо на земле, не в силах объяснить тайну происходящего с ним, все сильнее и сильнее склоняясь к Восточной Церкви. Нигде и никогда он не слышал такого зова небес и ангельского пения, как в этих уединенных, сокрытых от внешнего мира стенах. Сердце его больше не лежало к сухой формальной схоластике католичества. Он говорил об этом так: если тебя однажды напоили живой водой, ты не пойдешь больше пить мертвую. Я так чувствую, добавлял он, чтобы избежать споров о разногласиях католиков и православных, в которых был не силен. И супругу свою он похоронил на монастырском кладбище, прося сестер вечно молиться об упокоении души его Ребекки. Сыновья догадывались о переходе отца в восточную веру, но молчали. А он не навязывался с объяснениями.

Он всегда помогал монастырю, особенно по хозяйству. Привозил с ярмарок элитных цыплят кур-несушек и цесарок, давал нужные советы по виноградникам, помогал устанавливать капельное орошение в апельсиновых и гранатовых садах. Хозяйственные дела были коньком их семьи, которая не первое столетие обрабатывала эти тяжелые и строптивые пустынные земли.

Через десять минут я вернулась в монастырь, где полным ходом кипела работа.

Глава шестая

Уже стояли в ряд четыре трейлера. Активнее всех работал Майкл. Он носился от одной машины к другой, давал распоряжения, грузил тяжести. Даже маленький Даниил не отставал и грузил легкие коробки то со свечами, то с салфетками. Сестры были похожи на взволнованных кудахтающих тетерок, но работали слаженно. Отца Роберта, как всегда, нигде не было видно. Скорее всего, он отсиживался у себя в хижине. Никто до конца не понимал его причуд и не знал, юродивый он или все же сумасшедший. Впрочем, в помощники священника никто не ждал – только мешать будет всем своими советами.

– Матушка, докладываю, – бодро отрапортовал Майкл, как будто все они собирались не в изгнание, а в интересное скаутское путешествие, – мы тут уже почти половину работы выполнили. Две сестры уехали на моем траке в супермаркет докупить недостающих продуктов.

– Рецепты не забыли на антибиотики?

– Рецепты? Не знаю, надо у Сарры спросить, она их отправляла.

– Спрошу.

Услышав обрывок разговора, подбежала и сестра Сарра.

– Да, возьмут бинты, перевязочные материалы и антисептики, и рецепты на антибиотики у них с собой, не волнуйтесь, мать игуменья. Аптечки я тоже уже все собрала, распределила, – загибая узловатые пальцы, быстро перечисляла монахиня.

Старая сестра Сарра в прошлом была доктором, поэтому в монастыре, помимо других, исполняла и медицинские послушания.

– Дружные у вас сестры, я горжусь ими, – весело вставил Майкл, убегая дальше. Похоже, что ему одному было весело и собирался он точно на праздник.

Через час приехали сыновья Гонсалеса, доставили еще один трак с прицепом для перевозки кур. Отобрали лучших несушек и трех петухов. Куры от ужаса бились в истерике и истошно орали, пока Гонсалесы не подмешали им в воду какое-то специальное успокоительное снадобье. Куры обмякли и с недовольным ворчанием расселись, нахохлившись, на своих подстилках.

– Мы так всегда делаем, когда цыплят на маркет вывозим, – пояснил старший из братьев.

Собаки же тем временем бесновались все сильнее. Некоторые долаялись до хрипоты, скалили зубы и пускали слюну, другие продолжали заходиться громким лаем и биться о решетки вольера. Один Бим не лаял. Он тихо лежал на полу вольера, положив морду между своими шестипальными передними лапами, и с грустью смотрел на все происходящее, приподнимая то одну бровь, то другую.

– Сестры, проверьте все еще раз! Все теплые вещи забираем, одеяла самые теплые берем, обувь самую удобную, лучше для хайкинга. Нет ботинок? Одеял не хватает? Поищите еще в рухольной.

«Надо бы зайти в келию, собрать свои вещи, выпить таблетку от головы, хоть немного выдохнуть, – думала я, морщась от ощущения сидевшего внутри черепа краба с клешнями и переводя взгляд с одного дела на другое, не зная, за что хвататься. – Надо еще проверить, как идут дела в храме у Ангелины с сестрами, и появился ли там отец Роберт, все ли святыни собраны и упакованы...»

– Матушка, упаковка закончилась, иконы не во что оборачивать, – доложила по рации сестра София. – Прием, матушка!

– Слышу, слышу, простыни берите, скатерти, покрывала, заворачивайте и выносите в автобус!

Рация зашипела и отключилась.

Я вошла в прохладную келию (кондиционер работал на полную), перевела дыхание, осмотрелась по сторонам. Мамин крест, иконы, лампада. Тишина. Все как всегда. Даже не верилось в то, что происходящее сейчас в монастыре – не сон. Вот она, реальность: тихо, прохладно... Сейчас я опущусь в кресло, закрою глаза – и бредовое видение уйдет. Я встала на колени перед иконами, постояла так молча. Потом достала таблетку, налила воды, выпила сразу целый стакан, налила еще.

Опять ожила рация в кармане.

– Матушка, надо решить, какие иконы с собой взять, какие оставляем и переносим в деревянную церковь, – как птичка, чирикала Ангелина.

Когда я слышала тонкий васильковый голосок Ангелины, мне всегда казалось, что это голос Мэри. Иногда это утешало, иногда тяготило.

«У монаха нет прошлого», – повторяла я мысленно, но прошлое так и не отпускало все эти годы. Я вспомнила никелированную кнопку звонка: «Не сработала кнопка, прошлое, как призрачная тень, зашло в монастырь вместе со мной».

– Матушка, прием, как слышно?

– Да слышу, слышу, сейчас подойду и все разберем.

Провизией занялась Тамара – монахиня средних лет, крепкая, энергичная, полная, низенькая, похожая на реактивный колобок. С присущим ей строгим абсолютизмом она была беспощадной и к себе, и к другим. Выражением лица Тамара походила на важную индюшку, знающую обо всех делах на птичьем дворе. Ее осведомленности мог позавидовать любой начальник. Она это понимала и особенно ценила себя за это. Я и не помышляла ее контролировать, абсолютно уверенная, что Тамара все сделает четко и с педантичной точностью.

С Тамариными организаторскими способностями и навыками ей бы игуменьей быть. Монастырь бы сиял порядком! Я не умею так блестяще организовывать ни себя, ни других. Тамара же многозаботливостью и проворностью напоминала мне Евангельскую Марфу: за словом в карман не полезет и, если надо, сделает замечание самому Спасителю: «Господи, или Тебе дела нет, скажи сестре, и пусть поможет мне»¹³.

Провизия под руководством Тамары была собрана и упакована безукоризненно. Она властно командовала братьями Гонсалесами, оставшимися помочь таскать тяжести, видя, что сестры падают с ног, а Майкл один не справляется. Ее высокий голос с переходами на фальцет резал уши, а прямоугольные стекла очков бликовали так, что казалось, будто Тамара мечет искры из глаз.

Поздно вечером готовились к последней службе, вечерней и литургии Василия Великого, как положено по уставу в этот день. Стены в храме непривычно зияли бледной пустотой на месте снятых икон, а их безмолвие становилось слишком осязаемым.

Печально ударили в колокол. Робкий свет лампад и свечей бликовал теплыми отсветами на сосредоточенных лицах сестер. Прятали слезы, прятали лица. Момент тайной вечери, совершенной Христом в Сионской горнице, – это личное переживание. Общение, которое происходит только с Господом наедине. Его прощание с учениками и восхождение на Голгофу. Это была та самая ночь, когда Христос был предан, взял хлеб в руки, благословил и преломил его, дав апостолам... Первая литургия, совершенная Господом на Земле... а потом надо было уходить.

Пели тихо и торжественно. Собаки, обессиленные за день, умолкли, пустыня немела под выгнутым куполом черного неба. Луна взошла, осветив пустынные холмы равнодушным ледяным блеском. Холодно. Сизые тени поползли по монастырскому кладбищу и каменным стенам построек. Из окон храма выливался на улицу нежно-трепетный свет горящих свечей. Он сли-

¹³ Лк 10, 40-42

вался с лунным свечением, растекаясь по земле золотистыми ручейками. Все замерло в ужа-
сающей таинственности момента.

Отец Роберт возглашал:

– «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за вас ломимое во оставление грехов...
пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вас и за многих изливаемая во
оставление грехов».

Из храма выходили, опустив головы, хотелось молчания. Тихо рассаживались по приго-
товленным автобусам.

Глава седьмая

Распахнутые монастырские ворота медленно выпустили караван машин в глубокую ночную пустыню. Мы уезжали – как еврейский народ вышел ночью, чтобы никогда не вернуться назад. Зашла луна, забрав с собой остатки скупого света. Теперь лишь свет фар выхватывал из темноты раскинувшиеся драконьи лапы кактусов. Потревоженные зайцы спешили скрыться в кустах.

Колонну возглавил Майкл с сыном Даниилом на своем траке. Затем цепочкой шли три автодома, на пять человек каждый; один автобус, отведенный под храм, куда поместили все для богослужения и даже успели наспех сделать подобие алтаря, где можно было служить литургию. Далее ехали грузовичок с хозяйственным скарбом, дополнительным баком для дозаправки топливом и прицепом для кур, и мой старый джип. Все машины были под завязку набиты вещами и всем необходимым. Отец Роберт пожелал ехать в храмовом автобусе, а сестры, кто не был за рулем, разместились в автодомах.

– Сестры, поспите, пока едем, на рассвете найдем место для отдыха, поменяем водителей, – произнесла я по рации.

Наступившую тишину вновь нарушил взволнованный голос замыкающей Ангелины, которая ехала в джипе.

– Сестры, сестры, прием, там Бим бежит за машинами, там Бим! Надо остановиться! Я посмотрела в зеркало, но увидела только размытые огни фар, идущих сзади машин.
– Тормозите.

Остановились. Ангелина выпрыгнула из джипа. Навстречу, чуть не сбив ее с ног, радостно виляя задом и скуля, бросился Бим.

– Ну, вот, видите, он не захотел оставаться, не захотел, он с нами! Бим, скорее впрыгивай в машину! – восклицала Ангелина.

Не успели усесться по машинам, как на горизонте со стороны монастыря показалось оранжево-красное зловещее зарево. Оно набирало силу, словно пытаясь растопить густой гудрон ночного неба.

– Что это? – прошептала Ангелина. Сестры высыпали из машин, пронесся шепот, как шелест листьев.

Я обняла напрягшегося всем телом Бима, который успел выпрыгнуть из джипа, потом резко встала и голосом, вдруг ставшим стальным, скомандовала:

– По машинам! Нам надо ехать. Хватит зевать по сторонам. Это всего лишь деревянные стены старой церкви. Едем.

Только мы с Гонсалесом знали, что часовня сегодня-завтра должна сгореть. Старый хитрый лис сделал свое дело, как и обещал. Он не только поджег деревянную церковку, с которой когда-то начал строиться монастырь¹⁴, но и выпустил Бима.

Ехали проселочной дорогой в полной тишине, старались не оглядываться. За спиной разыгрывался ужас, от которого все сжималось внутри. Жена Лота обернулась назад, она хотела посмотреть на пылающий город, где прошла ее жизнь. Не все, что находится на сердце, нужно облекать в слова, не на все надо смотреть, прощаясь. В любимый монастырь нам больше не суждено вернуться. Надеялась ли жена Лота на возвращение? Может, и надеялась, может, не верила, что ее город горит, – и обернулась. Воннегут писал, что испытывает симпатию к жене

¹⁴ Раньше это место, где сейчас стоит обитель, называлось Ранчо под голубыми небесами, которым владел верующий Бен Смит. Он построил небольшую часовню. В 2001 году ранчо выкупили под монастырь, а часовню освятили во имя святой Анастасии Сербской – основательницы женского монашества в Сербии. В обители хранится частица ее мощей. До 2009 года сестры молились в этой часовне, а в день памяти святого Паисия Величковского совершили первую Литургию в новом соборе Успения Божией Матери.

Лота. Почему? Потому что она не смогла не обернуться, не смогла пройти мимо и не посмотреть на страдания людей. И это было очень по-человечески. Но оборачиваться нет смысла: это ни к чему не приводит, кроме лишних страданий.

Выехали на асфальт. Караван двинулся в сторону Саффорда¹⁵. Саффорд – тихий, бедный городок американского Запада из тех бесцветных поселений, где ничего никогда не происходит и непонятно, что в нем делать, кроме возделывания урожая на полях. Улицы не освещены, в домах еще горят редкие огоньки, готовые вот-вот погаснуть с восходом солнца. Совсем скоро город начнет просыпаться и жить своей незатейливой трудовой жизнью. Сразу за городом потянулись бесчисленные свежеспаханные поля и оросительные каналы.

Сестер от усталости клонило в сон. Все, кто не был за рулем, задремали. Стресс, суматоха прошедшего дня и напряжение бессонной ночи наконец дали о себе знать.

Через два часа дороги общую дремоту мне пришлось прервать:

– Сестры, у нас скоро остановка. Гора Глоуб (Globe)¹⁶. Сейчас с нами связались братья монастыря святого Антония¹⁷. Они скоро выезжают, благословляют встретиться, это лучшая точка, где мы можем пересечься. Я еще не поняла, куда они едут, но не на Аляску точно. При встрече все узнаем. Еще хорошая новость: стоим на горе до Пасхи и послужим все оставшиеся страстные службы с братьями, Бог даст, и встретим Пасху. Слава Богу. Конец связи.

– Матушка, прием, – послышался высокий голос монахини Тамары, – там есть где встать с нашими машинами? Или, как всегда, импровизируем?

– Да, там было несколько кемпингов для туристов. Нет, не импровизируем, благословил настоятель Гавриил. Как слышно?

– Звучит хорошо, Спаси Господи, – ответила Тамара и отключилась.

На рассвете мы увидели вдаль следующую горную гряду – вершины кое-где еще под снегом, а иные уже оттаяли.

Впереди показалась заснеженная вершина Глоуб, издали похожая на двугорбого верблюда, словно подававшая знак единственной и последней встрече двух монастырей. Справа и слева поднимались многочисленные горные отроги. Бедные одинокие домики жались к самым краям дороги. Прямая, как стрела, ветка железной дороги беспощадно рассекала пространство.

Рассвет медленно выбеливал восток. Солнце поднялось из-за восточной горной гряды заповедника Гила Бокс (Gila Box)¹⁸, осветив покинутый монастырь. Теплыми пастельными тонами заиграли терракотовые черепичные крыши главного храма Успения Богородицы и монастырских построек, утопающих в кронах деревьев, густо разросшихся за последние пятьдесят лет. Лучи нового дня осветили все еще заснеженную вершину горы Грейам (Graham). Тонкий дымок после пожара все еще поднимался в небо на месте сгоревшей часовни святого Иоанна или, как называли ее на старый манер, st. John. Монастырь был пуст. Птицы пели так же, как и всегда, не заметив ни перемен, ни пожара, для них существовал только новый день, и вряд ли они помнили вчерашний. У них в этом мире не было никаких забот. Оставшаяся живность только проснулась и ждала своего положенного завтрака и выгула. Разве что петухи в курятниках, недосчитавшиеся своих курочек, горланили больше прежнего. Собаки в загонах сидели тихо. Они никогда не узнают, что достались в наследство братьям Гонсалесам.

Внизу на холмах расстилались пестрые ковры цветов и разнотравья. В этом году пустыня постаралась собрать полную палитру красок и заполнить все пространство широкими мазками,

¹⁵ Административный центр округа Грэм, Аризона, США. Согласно переписи населения 2020 года, население города составляет 10 129 человек.

¹⁶ Гора рядом с одноименным городом Globe, административным центром округа Гила, Аризона, США.

¹⁷ Греческий православный монастырь Святого Антония стоит в пустыне Сонора в Аризоне, США. Основан летом 1995 года во имя святого Антония Великого. В нем проживает около 42 монахов.

¹⁸ Национальная заповедная зона, расположенная вдоль реки Гила в южных округах Грэм и Гринли на юго-востоке Аризоны, США. Расположена в 20 милях к северо-востоку от Саффорда, Аризона.

даже там, где никогда ничего не цвело. Весна здесь длится с конца февраля по апрель и совпадает по времени с православным Великим постом. Температуры мягкие, дождей мало, часто ветрено.

Это главный сезон цветения для большинства самых разнообразных растений. В теплые сырые годы в феврале зацветают зимние однолетники – маки, люпины, пурпурная кастиллея. Красочные покрывала, вытканые небесными мастерами, появляются примерно раз в десятилетие. Загадочную вспышку массового цветения нельзя предсказать даже за неделю до ее начала. Пустыня умеет удивлять.

К марту-апрелю, когда шторма утихают, в южную часть Соноры на несколько месяцев приходит горячая засуха. Дождей нет; май очень теплый и часто ветренный, а июнь – жаркий и спокойный. Легкие облака не дают осадков, а земля раскаляется как печь. Из растений остаются цветущими и плодоносящими только сагуаро, предгорная палочка и железное дерево. Встает великая сушь, когда тяжело не только человеку, но и каждой былинке.

К июлю тропические ветра приносят частые и обильные ливни. Осенью – опять засуха, а зимой – с декабря по февраль – солнечные, мягкие дни перемежаются ветрами, приносящими легкие дожди, которые местные называют «equipatas» (лошадиные копыта), по звуку капель. Они приходят с севера, с южных границ тихоокеанских берегов. Снег идет очень редко, может быть, всего несколько ночей в год.

Равнины Соноры – ряд очень широких долин между горными хребтами. Здесь более густая растительность, чем на Аризонском нагорье. Высохшие долины чередуются с горами, похожими на хаотичные нагромождения камней, как будто гигантский экскаватор без разбора насыпал валуны в большие кучи.

«Пустыня торжественно провожает нас с насиженного места», – думала я, пытаюсь не заснуть за рулем и нащупывая рукой рацию.

– Майкл, прием, скоро поворот на Глоуб. Налево, не пропустите. У вас нормально навигация работает?

– Нормально, я уже точку поставил на кэмпинг Кельнер.

Свернули с трассы, переехали ручей. Дорога начала резко сужаться и петлять змейкой среди предгорных поселений, поднимаясь все выше. Дома закончились, дорога упорно вела вверх. Внезапно закончился асфальт, предложив дальше трястись по проселку.

– Кто-нибудь желает испить милкшейк? – ворвался в эфир с очередной шуткой Майкл. Ему ответили в том же духе:

– Сейчас пост, выпьем на обратной дороге.

– Майкл, давайте мы остановимся здесь, у ручья. Поезжайте вперед, разведайте для нас место – вдруг там нет ничего и надо будет другое искать, а разворачивать все машины неудобно, – вмешалась я.

– Как скажете, матушка, – бодро просипел в рацию Майкл и скрылся за поворотом.

Сестры вышли размяться, присели у ручья, подставляя уставшие лица утреннему солнцу. Со стороны их можно было принять за туристов, высматривающих площадку для пикника.

Майкла не было минут сорок. Все уже начали волноваться, когда он наконец появился.

– Миша, все в порядке? – с тревогой спросила я. Мишей я называла только своего покойного мужа и сейчас сама не поняла, как у меня это вырвалось. Между Майклом и мужем не было ничего общего...

– А-а, заплутали маленько! Оказалось, не туда свернули. Чуть не уехали на пик, потом развернулись, нашли тот самый кэмпграунд – там речка, площадка большая, удобная, место для всех есть. Мне Даниил подсказал, куда свернуть надо, острый глаз, как у орла. Чего стоим? Поехали за мной, по машинам!

Было очевидно, что Майклу хотелось проявить свои лидерские качества. В этом походе он старался быть не просто полезным, но и единственным, сильным, незаменимым.

Сестры, немного потоптавшись, вновь расселись по машинам. Взревели двигатели, караван натужно тронулся вверх по грунтовой горной дороге, оставляя за собой завесу пыли. Минут через двадцать прибыли на место, расположились лагерем. Спать никто не пожелал: солнце давно стояло высоко. Каждому хотелось не только занять себя делом, но и понять и принять новые обстоятельства.

Кто-то ушел к ручью помолиться и набрать воды, кто-то бродил по окрестному лесу, собирая хворост. Бим резвился с Даниилом, к ним присоединилась и Ангелина. В свои почти тридцать три года она все еще походила на подростка. Ее детская простота и умение находить радость в самых простых вещах завораживала и удивляла одновременно.

Единственным, кто заснул крепчайшим сном младенца, был неподражаемый отец Роберт. Он устроился на полу в храмовом автобусе, подложив под голову собственный ботинок, и уютно сопел. В таком виде я его и обнаружила. Взяла подушку, лежавшую рядом на водительском сиденье, и хотела тихо, не разбудив священника, подложить ему под голову. Отец Роберт мгновенно проснулся, схватив меня за руку. От неожиданности я вскрикнула:

– Отец Роберт, дорогой, как вы меня напугали! Зачем же вы ботинок под голову положили? Я хотела вам вот подушку...

– Ха-ха-ха, – рассмеялся, не вставая с пола, священник. – Моя геронтисса, вы так любезны. Я вас обожаю за вашу любовь к людям. Да вознаградит вас Господь!

– Полно вам, – я поднялась с колен. – Хотите – берите подушку, хотите – нет, как вам удобно. Почему бы не взять два ботинка?

– А я и возьму: пара ботинок гораздо удобнее вашей подушки.

– Как знаете.

Отец Роберт в будущность свою католическим священником однажды попал в весьма неприглядную историю, которая изменила всю его жизнь. Произошло это как раз в начале развернувшейся кампании по толерантности. Пять лет назад МОСГ, вступив в полную силу, стал издавать указы мирового уровня.

В первые годы новорожденная организация декларировала общие идеи мира во всем мире, единства и равенства народов, интернационал, попытки отмены национальностей как таковых. Но постепенно ее политика стала приобретать конкретные жесткие формы. Люди потеряли возможность выбирать себе власть, это считалось первым достижением на пути к миру.

С принятием Мировой Конституции приняли и тот самый закон о толерантности, ставший главным яблоком раздора, который лоббисты протасили, как только МОСГ обрел вес и мировое влияние.

Поначалу мало кто понимал, что конкретно позволяет или ограничивает этот закон из-за туманных и обтекаемых формулировок. За вероисповедание не преследовали, как это было в былые нецивилизованные времена гонений и притеснений, но несогласие с общемировыми человеческими ценностями и гуманистическими достижениями стало считаться преступлением. Некоторое время было непонятно, что же это за гуманистические ценности, но вскоре вышли довольно жесткие пояснения и поправки к Конституции. Из них следовало, что мирное, свободное и безопасное общество будет построено только при условии, что в этом обществе нет места Богу с его заповедями и понятием о грехе, покаянии, добре и зле. Теперь вопросы морали и нравственности – прерогатива исключительно власти. Только власть решает, где заканчивается религиозная свобода и начинается закон. Несогласные с этим должны находиться вне общества, как носители опасности для основ новой идеологии. Это и стало причиной появления сопротивленцев и новых гонений на верующих.

Однажды отец Роберт из маленького городка в Северной Калифорнии с немногочисленными прихожанами служил воскресную мессу. После чтения Евангелия он по обычаю вышел с

проповедью, планируя сказать очень веское слово на злобу дня. Собравшись с мыслями, выдержав привычную паузу и расправив листок с заранее подготовленной проповедью, он произнес:

– Как только грех становится нормой, теряются ориентиры, гаснет тот маяк, который призван завести корабль в тихую гавань и оградить от крушения. Ныне же грех не только признали нормой, но и запретили покаяние. Грех теперь нельзя называть грехом. Только закон может регулировать данные понятия: есть не грех перед Богом, а ответственность перед законом. Мы не отвергаем ответственность перед законом, когда он стоит на страже правопорядка. Но какой абсурд, дети мои! Какой абсурд! Отменять ответственность пред Богом! «Не судите, да не судимы будете»¹⁹, ныне безумцы истолковывают этот стих как тот самый запрет на осуждение и притеснение индивидуальных выражений личности, но и это еще не все. Только вдумайтесь в данное безумие: покаяние запретили, потому что самого греха, по их мнению, не существует, – отец Роберт развел руками. – Что бы ни делал человек – никакое деяние теперь не может называться греховным, есть только ответственность перед законом. И на их птичьем языке это называется борьба со злом. Они изобрели чудовищную терминологию. Отмена понятия зла теперь является борьбой со злом. Где же здесь логика? А я вам скажу, в чем их логика, и почему богоборческие силы так ополчились именно на эти понятия! – Отец Роберт вновь развел руками, обратившись к прихожанам, и продолжил; – даже традиционно порицаемые обществом деяния вдруг встали в ранг допустимых и охраняемых законом. И здесь мы наблюдаем оксиморон или деление на ноль. Возьмем брадобрея, который должен брить тех, кто не бреет сам себя. Что делать брадобрею с самим собой? Например, если церковь осуждает прелюбодеяние, считая это грехом, и призывает любодеев к покаянию и изменению своей жизни, а в законе это не является преступлением, то церковь нарушает закон и уже по закону должна нести ответственность за такое мнение. Или некий гражданин хочет жениться на своей собаке, – по церкви прокатился смешок. Отец Роберт подождал полной тишины. – Закон ему это позволяет, а церковь препятствует, то такая церковь должна быть либо уничтоженной, либо согласиться с законом о свободном гражданском выборе, например, желании обвенчаться со своей собакой, и предоставить гражданину данную услугу. Более того – эта услуга обязана называться таинством венчания и никак иначе!

Отец Роберт сделал многозначительную паузу, довольный красивым пассажем, подождал, пока по залу вновь прокатится одобрителный смешок, и продолжил, по очереди переводя взгляд с одного на другого, словно обращаясь лично к каждому:

– Именованье человека по названию его конфессии тоже запретили. Поэтому мы, христиане, называемся либо «несогласными», либо «сопротивленцами». То есть формально верить ты можешь во что угодно, а вот гласно именовать себя христианином или кем-то еще не соответствует законам равенства и толерантности. Это противоречит не только здравому смыслу, но и всему учению Христа! – Священник поднял указательный палец в воздух, что означало: «минуточку внимания», и продолжил; – «Кающемуся Господь дает мир Свой и свободу любить Его», как сказал подвижник восточной церкви преподобный Силуан Афонский. Именно поэтому покаяние подпало под основной запрет, как запрет человеческой свободы в любви к Богу! – Отец Роберт замолчал, оглядев своих прихожан, и отметил, что сказано было очень сильно и современно.

И в этот момент на задних рядах послышался нарастающий шум, кто-то из прихожан вскрикнул. В костел ворвалась женщина. Из одежды на ней не было ничего, кроме высоких ботфортов на огромной платформе, имитирующих коровьи копыта. Обритая наголо голова обезображена татуировками и пирсингом. Она стремительно пронеслась между рядами скамей, кривляясь, запрыгнула на престол и приняла самую бесстыжую позу. Она нагло взидала на оцепеневших прихожан и потерявшего дар речи пожилого священника.

¹⁹ Евангелие от Матф 7:1.

Но на этом мизансцена не закончилась. В храм с гулом и визгами вошли еще десятка два человек, одетых в невообразимое тряпье, и пояснили, что они – общественные наблюдатели, и что в рамках нового закона о толерантности собрание верующих не может и не имеет права мешать никакому человеку проявлять свою идентичность и самовыражение. И что это существо по имени Оно должно быть принято данным христианским собранием с пиететом и уважением.

Действительно, толпа самовыражающихся фриков действовала полностью в рамках нового закона. Без сомнения, они снимали происходящее на видео, транслировали в прямом эфире и угрожали вызвать полицию и привлечь к ответственности всех прихожан и священника, если кто-то из них потребует прервать акт самовыражения и очистить помещение. Заикающимся голосом, чтобы не допустить дальнейшего кошунства, священник сделал вид, что служит, но на самом деле не стал продолжать мессу. Он только благодарил Бога, что кошунники вошли в церковь в конце литургии слова, и что самая важная евхаристическая часть не успела начаться. К счастью, фрики не разбирались в богослужении и отличить настоящую мессу от ненастоящей не могли. Но в следующий раз могли прийти и продвинутые общественные обозреватели, и что тогда? Власти и полиция будут защищать церковь как организацию только в случае подписания с ними соглашений. А это невозможно. Христиане должны быть покорны власти только до того момента, пока власть не требует от них нарушения Божьих заповедей.

В тот же вечер отец Роберт собрал свои вещи, запер церковь на замок, сел в машину и уехал в Аризону, в греческий монастырь святого Антония. Нельзя сказать, что, поворачивая ключ в замке своей церкви, он собирался уезжать навсегда. Но в Аризону его давно приглашал давний друг, игумен Гавриил. Отец Роберт давно мечтал побывать в этом, по слухам, удивительном месте, но прежде никак не мог собраться. Сейчас же ему хотелось бежать, как от огня, от «поноса толерантности», чтобы хотя бы вдохнуть чистого воздуха и привести в порядок разрушенный строй мыслей.

Дорога петляла среди гор, где, неподвижно подняв «руки», стоят кактусы, проплывают редкие ранчо, оросительные каналы. И дорога понемногу начинала успокаивать отца Роберта. Включив бессмертную музыку Баха, он углубился в созерцание. И уже не видел смысла оставаться священником и служить дальше. Всеу когда-то наступает конец.

– Дальше будет больше, – вслух рассуждал отец Роберт. – Я не способен выдержать такие кошунства над моей верой. Я слишком слаб для этого. Они меня сломают рано или поздно, а я этого не хочу. Я не для того служил всю жизнь, чтобы сломаться в старости. Что я тогда скажу Господу моему?

На подъезде к монастырю святого Антония замелькали стройные ряды оливковых плантаций, сменяющиеся веселыми апельсиновыми и лимонными деревьями. Старый отец Роберт прибодрился и даже прибавил скорость.

Священник пристроил свой потрепанный минивэн на монастырской парковке. Выйдя из машины, опустился на колени, воздел руки к небу, подражая соседнему кактусу, и с выражением воскликнул: «Войду в дом Твой, поклонюсь святому храму Твоему в страхе Твоем. Господь, Ты мой покров, Охрана и покой. Навек Тебя благодарю, Тебя я восхваляю!»²⁰

Старый священник созерцал сад, слушал птиц, журчание воды и гул многочисленных пчел, пасущихся в ветвях цветущих деревьев, и на него снизошло успокоение. Никогда прежде он не испытывал такого покоя. Аккуратные монастырские постройки и красивые фонтаны – не самоцель людей, собранных в одну общину. В монастыре нет ощущения, что приезжаешь на ферму или ранчо, где все трудятся от рассвета до заката. Здесь на первом месте – молитва и стяжание мирного духа.

²⁰ Пс 5:8. совмещенный с протестантской песнью.

Так и отец Роберт, бежавший от безумия обновленного мира, неожиданно для себя попал в другое измерение. Вся суета мира, где люди, бегающие, как белки в колесе, задыхаются от смога чувства собственной важности и проблем, вдруг остались далеко-далеко, в песках раскаленной пустыни. Он бежал в надежде просто скрыться, зажмурить глаза, не слышать и не видеть, что там происходит, но нашел гораздо больше: дивный сад, уголок земного рая. С чем еще можно сравнить восхищение и восторг человека, бежавшего, например, из тюремных застенков и попавшего в прекраснейшее место? Тогда же отец Роберт понял, что приехал не в гости к другу, а домой, и останется здесь жить. Он не вернется назад. Никогда.

Старого священника приняли ласково и для начала поселили в мужской гостинице для паломников. Отец Гавриил был несказанно рад встрече со старинным товарищем. Где и как они познакомились, история умалчивает, ни один из них об этом не заговаривал ни разу, но отец Гавриил и отец Роберт могли бы похвастаться многолетней и многотомной перепиской, в которой спорили и обсуждали все аспекты восточного и западного вероисповедания. Пожив в монастыре, отец Роберт всем сердцем почувствовал ту самую благодать, о которой так много был наслышан и много читал у отцов Восточной Церкви. Ему и раньше хотелось приоткрыть для себя эту таинственную завесу, заглянуть за нее хотя бы одним глазком, испытать – что же это такое? И завеса отдернулась самым непредсказуемым и неожиданным образом.

Отец Роберт через пару месяцев перешел из католичества в православие и по канонам церкви был принят в сущем сане.

Глава восьмая

Стали собираться на завтрак. Решили по возможности готовить на кострах. Автодома были оборудованы кухнями, туалетами и душем, удобными спальными местами, но ресурсы необходимо было беречь, ведь впереди путников ждали тысячи миль дороги. К тому же костер, собирая всех вокруг себя, еще и спланивал людей.

Приготовили большой котелок постной овсяной каши с изюмом и сухофруктами. Монахиня Сарра варила для всех желающих кофе в изящной медной турке, которую много лет назад привезла с собой в монастырь из Сербии, своей родины.

– Матушка, кофеек будете? Присаживайтесь на скамейку, я вам сейчас заварю по-арабски, на песочке. У меня еще и молоко овсяное есть, я знаю, вы любите с молоком, – любезничала Сарра: высокая, худая, похожая на сморщенную высушенную рыбу, с пронзительным взглядом премудрой совы, усиленным толстыми линзами круглых очков. В ней удивительно сочетались жесткость, доброта и умение обо всех заботиться.

Я с наслаждением выпила ароматный кофе, прикрыла глаза и сразу почувствовала навалившуюся усталость после бессонной ночи и беспокойного дня.

– Сестры, я пойду вздремну. Позаботьтесь об отце Роберте, как он проснется, покормите его обязательно. Он ведь сам и не попросит. Засыпаю на ходу, простите.

– Матушка, а что там с братьями из Антония, когда они будут? – спросила прибежавшая Ангелина. Рядом с ней, весело виляя хвостом, крутился Бим с синим резиновым мячиком в зубах.

– Идем, я открою планшет, посмотрим, что пишут, – тяжело поднимаясь со скамейки, ответила я.

– Вот ведь пигалица, не дает матушке отдохнуть, – проворчала Сарра, помешивая новую порцию кофе в турке. – И самой не сидится спокойно, и всех вздернет и переполошит...

Мы с Ангелиной уселись на водительском и пассажирском креслах в первом доме. Полистала планшет. Я надела очки и молча принялась читать. Ангелина так же молча ерзала от нетерпения.

– У нас две новости, – наконец, поправляя очки, сказала я. – Братья будут здесь часа через три. У них пятнадцать транспортных единиц, и они будут стоять чуть ниже. Там, где большая площадка. Пишут, что сразу начнем службу двенадцати страстных Евангелий.

– Ях-х-ху! – похлопала в ладоши, как ребенок, Ангелина. – А вторая новость? Ну, матушка?

– У нас заблокировали все электронные денежные средства.

– То есть... денег на счетах у нас теперь нет?

– Да, читай сама, что гавермент пишет: в связи с поражением в правах...

Ангелина взяла планшет. Закончив, перечитала еще раз, сама не зная на что надеясь.

– То есть, истекли двадцать четыре часа с момента ультиматума – и монастырь, его счета и мы все перестали существовать? – я не могла никак это осознать. – Но ведь они обещали закрыть счета позже, после нашего прибытия на место! Я сама вчера читала об этом в предписаниях! Закрыть только после прибытия на место... Я так надеялась, что они оставят наши счета открытыми на время движения... Но убеждаюсь, что их обещаниям верить нельзя.

– Да, нас только заставили покинуть монастырь и начать движение на север... – расстроено вспомнила Ангелина. – Надеюсь, хотя бы это не изменят?

– Надеюсь, – вздохнула я. – Немного кэша у нас все-таки есть, но он пользуется популярностью только где-то на севере. У нас все же есть провизия, есть топливный лимит от «бюро путешествий»... Очень хочется верить, что лимит не срежут на полпути. Будем экономить, Бог нас не оставит. Иди, Ангелина, скоро служба, надо передохнуть.

Уже около пяти лет, с тех же времен, когда МОСГ начал активную законотворческую деятельность, хождение наличных денег было под запретом, но они еще имели вес в серых зонах. Никто толком не знал, как выводить кэш и как его использовать там. Конечно, знали те, кто занимался этим подпольно, но никак не монахи. И монастырь с его обязательной прозрачностью счетов не мог себе позволить хранить что-то в чулках на черный день. С каждым годом счета юридических лиц подвергались все более строгому контролю и постоянным проверкам. А сопротивленцы еще и платили двойные налоги. Копить кэш стало уголовно наказуемым деянием, и настоятели монастырей не решались на такие риски, но кое-что все равно приберегали.

– Надо у Майкла спросить, есть ли у него средства. Он же к монастырю не имеет отношения, и его вряд ли заблокировали! – не унималась Ангелина.

– Ангелина, нам хватит. Мы не должны злоупотреблять добротой Майкла, это первое. Во-вторых, он свободный человек и не обязан разделять с нами весь ужас нашего положения. К тому же у Майкла ребенок, он может в любой момент отделиться от нас и уйти, возможно, он так и сделает. Поэтому прошу тебя, даже не намекай ему. Ресурс у нас пока есть. Я вообще не уверена, что решение Майкла идти с нами – правильное. Только, пожалуйста, пусть это останется между нами. У нас до прихода братьев чуть меньше трех часов, я, пожалуй, посплю, а то голова совсем не соображает. Скажи сестрам, что братья скоро придут. Ну, все, беги.

Ангелина умчалась, оставив меня одну в пустой машине. Думать ни о чем не хотелось. Я улеглась поверх одеяла на свободную кровать, закрыла глаза и погрузилась в зыбкую полудрему – когда видишь и слышишь, где находишься, но на самом деле спишь.

И я увидела Мэри. Здесь, у ручья, стоящую босыми ногами на камнях по щиколотку в студеной горной воде.

Боже, прошло семнадцать лет... а я так скучаю по своей Мэри, по моей фантазерке и озорнице. Все эти годы я так хочу обнять тебя, моя детка.

Мэри и Ангелина поразительно похожи. Если их поставить рядом, то они сошли бы за родных сестер. А может, это мое воображение такими их рисует. Наши чувства часто нас обманывают. Мы выдаем желаемое за действительное, играем в них как в игру. Когда я первый раз увидела Ангелину, то, кажется, остолбенела и несколько минут не могла вымолвить ни слова. Я ее увидела издали, ее встречала Ксения. И сразу узнала – по походке, по движениям... А потом увидела лицо, и у меня чуть сердце не остановилось. Откуда такое сходство? Ведь Хава выросла в хасидской общине, дочь еврейского народа. Может, все же кровь? Мой покойный муж – еврей. Слабое объяснение... Но, сколько я видела евреек, такого сходства с дочерью никогда не замечала. У Мэри и Ангелины даже ресницы одинаковые – густые, длинные, словно завитые кверху. Это редкая особенность, подобное пытаются наращивать искусственно, но натуральное выглядит совсем не так. Кто увидит девушку с такими ресницами, тот запомнит в первую очередь их. Попроси его описать внешность такой девушки, он скажет про ресницы и остановится. А остальное? Рот, губы, щеки, глаза наконец? Глаза спрятаны под ресницами, скажет, а всего остального не помню. Может, на самом деле все сходство – только в этом? Но Ангелина и Мэри одинакового роста, телосложения. У них схожая мимика, тембр голоса. А главное, они похожи внутренним мировосприятием, мышлением и каким-то инфантилизмом, если можно так сказать. А может, это просто детская душа во взрослом теле. Первое время я пряталась от нее, мне стоило больших усилий начать с ней общаться. А Ангелина тогда приняла это на свой счет, думая, что я холодна к ней...

Мысли оборвались, и я наконец провалилась в глубокий сон без сновидений, пока меня не разбудил звонкий голосок Ангелины:

– Матушка, едут, братия едут! Я тут дрон свой запустила, хотела Даниилу показать, как им управлять... Они уже минут через двадцать точно доберутся до нас, колонна с трассы свернула! – восторженно, быстро и возбужденно говорила Ангелина.

Я спросонок не сразу поняла, что происходит, первым делом ухватившись за слово «дрон». Сигнал опасности был распознан подсознанием мгновенно.

– Ангелина, немедленно убери дрон и больше не запускай его. Ты же прекрасно знаешь правила, если его заметят...

– Простите меня, матушка, больше не стану, – перебила меня она, поспешив признать вину и оправдаться одновременно. – Просто я подумала, что мы на горе и его не будут сканировать...

Ангелина прекрасно умела делать милое виноватое лицо, как у нашкодившего котика, который подлизывается к хозяину, чтобы избежать нагоняя.

– Я надеюсь, больше не вернемся к этому вопросу? – намного мягче сказала я, уже испытывая чувство вины за свой мимолетный гнев и раздражение.

Как-то Сарра едко подметила: «Ну да, Ангелина такая милашка, что на нее совершенно невозможно сердиться». Я тогда это запомнила и отметила у себя в памяти, насколько Сарра оказалась точна, и в то же время насколько ее самую злила моя снисходительность к «милашке Ангелине».

– Дай мне пару минут умыться, и пойдем встречать братию.

Я испытывала противнейшее состояние человека, заснувшего среди бела дня и вырванного из сна. Даже ноги отказываются идти, хочется безвольным мешком свалиться обратно на кровать и вновь забыться. Но больше всего меня смущало то, что я действительно позволяю Ангелине больше, чем другим. И мне хочется позволять, хочется выделять свою воспитанницу, но ведь это табу, запрет. Правила поведения в монастыре одинаковы для всех, включая меня саму.

Глава девятая

Братскую колонну уже заметили на горе. Она то показывалась из-за поворотов, то вновь скрывалась за холмами, стремительно приближая долгожданную встречу. После всего пережитого эта встреча казалась торжеством единения в любви, когда Христос является посреди всех собравшихся.

Отпустив первую радость встречи, стали готовиться к вечерней службе. Большой храмовый автобус братии сделался местом всеобщего сплочения. Там же стоял ковчег с мощами преподобного старца Ефрема Аризонского²¹, который братья не могли не взять с собой.

Перед храмовым автобусом растянули шатры, чтобы все собравшиеся могли поместиться. Приготовления закончились, началась служба.

Когда же евангельские чтения дошли до повествования о тьме, накрывшей великий город Иерусалим, о церковной завесе, разорвавшейся надвое сверху донизу, крыша храма-автобуса загудела. Откуда-то с северо-запада пришла буря с ливнем. Палатки надулись и захлопали, как паруса, словно уносясь на две тысячи лет в прошлое. Небеса возмущенно шумели и гудели так, что священники, читая службу, пытались перекрычать стихию. Свечи дрожали от врывающегося под шатры напористого воздуха и тухли, испуская тоненькие струйки дыма. Снаружи властвовала тьма. В этот момент я подумала о том, что когда-то Евангельский первоисточник вдохновил Булгакова увидеть этот эпический момент пронзительно и очень точно.

«Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город. Исчезли висячие мосты, соединяющие храм со страшной Антониевой башней, опустилась с неба бездна и залила крылатых богов над гипподромом, Хасмонецкий дворец с бойницами, базары, караван-сарай, переулки, пруды... Пропал Ершалаим – великий город, как будто не существовал на свете. Все пожрала тьма, напугавшая все живое в Ершалаиме и его окрестностях. Странную тучу принесло со стороны моря к концу дня, четырнадцатого дня весеннего месяца нисана»²².

Во время чтений о снятии Господа с Креста пришла тишина, особая, словно внезапно выключили звук. Небо оглохло и успокоилось. Свежо запахло пронесшимся весенним ливнем, мокрые и теплые горы вновь стали нежны и тихи, замерло все, даже птиц не было слышно. Гробовая тишина, которая наступила в миг положения Господа во гроб. Плач и рыдания, вынос и погребение будут уже в пятницу. Мир поставили на паузу.

Переживая страстные Евангелия мы ощутили единение, общее дыхание, как молятся в тяжких скорбях, но при этом славя Бога за эти самые скорби.

Вечером братья устроили общий костер и ужин для всех. Подкрепиться было необходимо. Варили постный плов с овощами и ароматными травами, обильно приправленный оливковым маслом монастырского производства. На завтра, в Страстную пятницу по традиции трапеза вовсе не планировалась, разве что снеки для самых немощных.

Пятницу и субботу провели в молитвенной тишине. Приближалась Пасха. В ту пасхальную ночь неслось в небеса торжественное пение о Воскресшем Христе. В темноте мерцали красные фонарики, в крошечной точке на горе с говорящим названием Глобус лица озарялись счастьем. На этой горе, среди пустынь Дикого Запада первый раз от сотворения этого мира служилась Божественная литургия.

²¹ Архимандрит Ефрем (Мораитис), Аризонский и Филофейский. Подвижник, пастырь и миссионер, трудами которого возрождена монашеская жизнь в ряде афонских монастырей, а также основано несколько обителей в Америке и Канаде. Родился: 24 июня 1928 года, Волос, Фессалия, Греция. Умер: 7 декабря 2019 года (91 год), Монастырь Святого Антония.

²² Булгаков М. «Мастер и Маргарита».

Отец Гавриил, вдохновленный службой, сказал после:

– Мир по сей день стоит ради Литургии, и виноградные лозы приносят плоды ради этого. И пока служится это Величайшее Торжество во всей Вселенной – Земля не преидет. Третий всадник на вороном коне разрушает все системы «глобальной сытости». Когда люди пытаются строить идеальную экономическую систему, всадник разрушает их планы, но при этом не трогает вино и елей, чтобы люди могли совершать Литургию²³.

Диспетчерским службам сообщили, что оба каравана переселенцев будут находиться на горе Глоуб, в связи с вынужденной остановкой до вечера воскресенья, потом стоянку продлили до утра понедельника. Как ни странно, службы контроля дали добро. Монахи расценили это как очередное чудесное вмешательство Бога и знак, что Господь ведет их за руки из земли проклятия и смерти.

Все три дня наполнились невероятной духовной радостью и подъемом. В субботу вечером между службами сестры успели напечь пасхальных хлебов, нарисовать яйца и даже приготовить творожную пасху из взятых с собой запасов замороженного козьего молока. Братия же одарили их несколькими ящиками оливкового масла из своих запасов.

Маршрут монастыря св. Антония, согласно предписанию о выселении, шел на северо-восток, в горы Адирондак²⁴. Мало кто из братии знал об этих местах, разве что где-то в центре этих гор рождалась великая река Гудзон.

На первый взгляд предписание идти в Адирондак казалось нелогичным. Вероятно, правительство стремилось максимально разделять сопротивленцев, не допуская объединения их в большие группы. Самые северные горы штата Нью-Йорк оказались самой южной точкой для ссыльных. Все остальные границы отселения начинались намного севернее: от Канады и до Северного Ледовитого океана. Предположить, почему южный регион был отдан под отселение, было невозможно. Единственный монастырь, который власти не стали выселять совсем – Свято-Троицкий Джорданвилльский монастырь²⁵, стоящий немного южнее гор Адирондак.

Властные структуры МОСГа наугад крутили колесо своей машины. Кто-то из принимающих решения случайно или волею судьбы определил для резерваций некогда курортные места.

В эти пасхальные дни стало известно об одномоментном выселении всех официальных сопротивленцев. Становилось очевидным, что это только начало гонений. Монастыри, приходские церкви и простые миряне разных конфессий, не признавших свод гуманистических ценностей, поразились в правах. Всеобщая декларация прав и свобод личности оказалась присягой на верность государственной монополии. Многих эта пагуба застигла врасплох. Люди спешно меняли свою недвижимую собственность на дома на колесах, кто-то рисковал ехать на обычном транспорте, но там, где они должны были поселиться, всем предстояло искать или строить жилье. Автодома, которые еще пару десятков лет назад пользовались огромной популярностью у американцев, теперь пылились и ржавели на задних дворах, превращаясь в сараи для хранения всякого инвентаря и домашнего хлама. Они сильно упали в цене, продать их было почти невозможно.

²³ Отсылка к Откровению Иоанна Богослова. В книге Откровения описываются события, которые произойдут перед Вторым пришествием Иисуса Христа на землю и будут сопровождаться многочисленными катаклизмами и чудесами (огонь с неба, воскрешение мертвых, явление ангелов), поэтому слово «апокалипсис» часто употребляют как синоним для конца света или для катастрофы планетарного масштаба. Книга описывает также само Второе пришествие Иисуса Христа и события после него.

²⁴ Адирондак (англ. Adirondack Mountains) – горный хребет на северо-востоке штата Нью-Йорк. Высшая точка – гора Марси (1629 м).

²⁵ Свято-Троицкий ставропигиальный мужской монастырь Русской православной церкви за границей расположен в Джорданвилле, штат Нью-Йорк. Основан пострижеником Свято-Тихоновского монастыря (штат Пенсильвания) иеромонахом Пантелеимоном (Нижником, 1895–1984). Крупнейший и старейший монастырь РПЦЗ в США. При монастыре действует Свято-Троицкая духовная семинария, издательство, иконописная мастерская, библиотека и Музей русской истории.

Два года назад два аризонских монастыря купили почти новые трейлеры по самым низким ценам у компаний, которые распропадавали товарные остатки. Покупка казалась странной и неразумной. Но недавно, после выхода предписаний об отселении в резервации, спрос на RV и трейлеры в разы взлетел. Компаний, продающих RV, почти не осталось, купить фургоны можно было только у частных лиц. Частники, уставшие от бесполезного металлолома на своих задних дворах, почуяв внезапную наживу, резко взвинтили цены. Ажиотаж дошел до того, что соседи меняли друг у друга жилые дома на старый хлам на колесах. Выбирать не приходилось: надо было хоть на чем-то уезжать. В резервациях никто не собирался открывать для переселенцев ни магазинов, ни супермаркетов. Пришлось бы пользоваться старыми ресурсами, которых не хватило бы надолго. Мирянам давали на сборы трое суток, а не одни, как организациям. Собраться и найти транспорт за три дня было немного легче.

Северные края были мало населены и дики, с тяжелым климатом и скудными землями.

Братии монастыря святого Антония повезло в том, что в Адирондаке умеренный, довольно мягкий климат. До войны там располагался Стейт-парк с небольшим местным населением и дачными коттеджами. С конца девятнадцатого века он считался курортным и туристическим местом, куда американцы любили приезжать летом для активных развлечений на озерах этого живописного уголка. Зимой же Стейт-парк погружался в спячку, так как многие коттеджи, прятаящиеся в густых лесах вдоль озер, использовались хозяевами только летом.

С началом диспетчерского слежения и сложностей с получением маршрутов активный туризм стал затухать. Люди теперь предпочитали отдыхать ближе к дому, где не нужна регистрация, да и сама ценность активного отдыха и путешествий после войны сильно упала. Сидеть по домам и увлекаться новым видом путешествий и приключений в виртуальном формате оказалось куда спокойнее. С помощью AI можно было смоделировать любую ситуацию. Если приключение можно заказать, не выходя за порог дома, то зачем нужно куда-то ехать? «Домашние приключения» активно пропагандировались и рекламировались. Корпорации, продававшие виртуальную реальность, неслыханно разбогатели, захватив самые высокие рейтинги богачей мира. Почти все кемпинги и национальные парки были заброшены. Те, которые еще функционировали, поддерживались только по инициативе местных властей.

Адирондакские горы тоже не обошла участь запустения.

Глава десятая

Светлый пасхальный понедельник 14 апреля 2064 года. День отъезда.

Я поднялась затемно, тихо вышла из автобуса и направилась в гору к смотровой площадке, откуда открывался вид на долину. Пахло холодным гравием и подмороженной землей, как бывает на самой границе зимы и весны. На востоке небо начало выбеливаться. Одна за другой гасли звезды.

В редеющих сумерках я заметила знакомый силуэт. Мой духовный отец Гавриил сидел на камне, словно ожидая меня. Старец беззвучно перебирал узловатыми пальцами четки. Его седую бороду чуть заметно шевелил теплый весенний ветерок, поднимавшийся из долины.

– Как дивно все устроено в этом мире, моя дорогая герондисса. Христос Воскрес!

– Воистину воскрес Христос!

– Присаживайся рядом, поговорим на прощание. Вот я думаю сейчас о том, как мудро и гармонично наши молитвословия, наше Богослужение вплетено в ритм небес. Вернее, небеса вплетены в Богослужение, ибо служение и прославление Бога первично. Вы заметили, что творилось с погодой на чтении Евангелий? Природа сама повторяет настроение Евангелия, словно подтверждая, что прославление Бога первично, что когда не было ничего и земля была безвидна и пуста, то Дух Божий носился над водами, и что вначале было Слово, а не дело, как уверял доктор Фауст. Я часто задумываюсь об этом. Как только солнце потянется лучами из-за горизонта, мы воскликнем дивные слова: «Слава Тебе, показавшему нам свет». Вдумайся: показавшему! – Отец Гавриил поднял указательный палец. – Уверен, ты тоже думала, что это не просто так. Наш день начинается не с прошений и даже не с просьбы о милости к нам. Наш день начинается с хвалы Богу, со Славословия. Как в Царстве Небесном, где будет только похвала!

Солнце, играя золотыми нитями лучей, медленно вставало из-за далекой горной гряды. Ветер ласково играл рядом, словно стараясь не беспокоить молящихся.

– Благая тишина, – продолжил отец Гавриил, – как воспоминание слов пророка Илии, когда тот видел Божественное дыхание в веянии тихого ветерка. Бог не был ни в ветре, ни в землетрясении, ни в огне – Бог был в веянии тихого ветра²⁶. Бог часто обходит наши планы и поступает как Ему угодно. Вот и сейчас нас выгнали с насиженных мест... а мы радуемся.

– Филокалия – любовь к прекрасному, созерцательная молитва, когда слышишь тишину, восходя без тела на небо. Так вы меня учили еще в самом начале моего монашества, – проговорила я, не отводя глаз от искрящегося золотом востока.

– О! Это таинство. Человек видит то, о чем не может рассказать, и, когда проходит это созерцание, он пребывает в таком смирении, что плачет как малое дитя. И происходит такое осознание себя, что считаешь себя ничтожнейшим, а пока человек так думает, то Господь дает ему еще больше. А что у тебя своего? – обернулся он ко мне, хлопнув себя по колену.

– Ничего, все – Господа моего. Я пыль и земля. Естество мое – ничто. А что такое ничто? Это то, что было ничем, прежде чем Бог сотворил небо и землю, – словно выученные стихи, подхватила я.

– Правильно усвоила. Так и учил старец Иосиф Исихаст, так и нам следует смиряться, особенно сейчас. Наша сила – Божественное дуновение дыхания Божьего. Там, где смертельно опасно, где нечеловечески сложно, присутствие Божие ощущается людьми как реальность – и тогда люди мобилизуются. И те, кто раньше ходил раз в году поставить свечку, вдруг преображаются и готовы идти за Христом как исповедники, не боясь ничего. И, наоборот, будут и

²⁶ Отсылка к книге 3 Цар. 19:11,12.

те, кто бил поклоны, посты держал, а чуть настали трудности – и все, выбор делается в пользу комфортной и безопасной жизни, – со вздохом произнес игумен.

Мы помолчали, всматриваясь в уже посветлевшее небо, где яркими всполохами горела новая заря. Отцу Гавриилу было далеко за восемьдесят, но на его моложавом лице почти не было морщин. Ум его, погруженный в молитву, вовсе не старческий, отличался остротой и свежестью. Лишь седые волосы и борода выдавали прожитые лета. Говорил отец Гавриил медленно, с расстановкой. На вопросы не спешил отвечать сразу, прежде углубляясь в размышление. Голос его был тих и кроток, своих духовных детей отец Гавриил наставлял всегда с любовью.

– Да, дивны дела Господа. Геронда²⁷, я так рада вас видеть здесь и сейчас.

– А как я рад тебя видеть, дитя мое! Путь нашего убогого монастыря лежит в горы Адирондак, как вы уже слышали. За все Слава Богу. А вам выпал жребий более тяжкий. Неожиданно. Трудный путь. – Старец вздохнул. – Ты, наверное, хотела что-то спросить? На Аляску вы дойдете с Божьей помощью. Не растрачивайтесь и не разделяйтесь, берегите силы в дороге, а там как Бог даст. Большого количества сопротивленцев правительство не ожидало, это, кстати, хороший знак для нас. Но тем не менее нас постарались изолировать от общества. Для этого Аляска – вполне подходящее место. Климатически трудно для выживания, небольшое количество коренного населения. Благодаря географическим особенностям удобно контролировать перемещение людей. Это все равно, что переселить всех на остров. И ждать, когда сильные духом вымрут, а остальные успокоятся и смирятся.

– Надо же, Адирондак, – задумчиво произнесла я. – Я была там однажды в молодости, с мужем... ровно сорок лет назад. Мы учились в Бостоне на режиссуре. Вернее, я доучивалась в тот год, а выпуск ожидала в мае. А муж мой уже закончил годом раньше, но еще не определился с работой. В предыдущий год индустрия бастовала: человеческий труд вымещался искусственным интеллектом. Миша хотел попасть на работу поближе к Голливуду, амбиции у него всегда зашкаливали. Его кумирами были такие выдающиеся режиссеры как Гибсон.

Восьмого апреля двадцать четвертого года ждали тотального солнечного затмения²⁸. И вот Миша в начале апреля получает работу его мечты! Мы счастливы так, как не описать словами. Мы едем в Лос-Анджелес. Все решено. Мы пьяны от счастья и спонтанно решаем ехать на север, смотреть затмение. Бросаем вещи в нашу старенькую машину и мчимся с легкостью, как всегда бывает в ранней молодости. Узнаем, что все мотели, отели и букинги выкуплены в этом районе за полгода вперед, и покупаем палатку. Казалось, так романтично вырваться из постоянного гула мегаполиса на дикую природу, пожить в палатке... Сначала хотели ехать ближе, в Вермонт, а потом что-то заставило нас двигаться в сторону Адирондака. То ли ремонт дороги, то ли пробка... Дорога из Бостона до Олбани одна. Добравшись до Олбани, мы решили заодно посетить знаменитые драйзеровские места из «Американской трагедии». Адирондакские горы Теодор Драйзер описывал как «уединенный мир со своими странностями и противоречиями, столь не похожий ни на городскую жизнь... ни на экзотическую роскошь». Вот мы и хотели проверить, насколько точно сказано: «Едва найдется еще где-нибудь такой пустынный край, полный такой таинственности и странного очарования». И там же происходили события из любимого нами всеми в детстве романа Фенимора Купера «Последний из могикан». А мы, проучившись по четыре года в Бостоне, ни разу не заглядывали в эти таинственные дебри!

²⁷ От др. – греч. γέρων (ген. γέροντος) «старец».

²⁸ Солнечное затмение 8 апреля 2024 года – полное солнечное затмение 139 сароса, полную фазу которого можно было наблюдать на территории Мексики, США и Канады. Частные фазы затмения были видны в Северной Америке, а также частично в Западной Европе и в Центральной Америке. Это затмение является повторением через сарос полного солнечного затмения 29 марта 2006 года, полоса полной фазы которого проходила по территории бывшего СССР через Кавказ, Казахстан и юг Сибири. Следующее затмение данного сароса произойдет 20 апреля 2042 года.

Решаем двигаться на исток Гудзона. Миша смотрит карты: озер – множество. По дороге вспоминаем, что у нас нет очков, чтобы наблюдать затмение. Заезжаем в какой-то захудалый деревенский hardware store, покупаем за двадцать долларов очки для электросварки. Сейчас смешно вспоминать, как мы прыгали с этими очками по острову! Доезжаем до озера, берем каяк – и на островок, их там было так много, с кемпингами. Лагерь разбиваем, костер... Миша тогда наловил форели, мы запекли ее на костре и к трем часам пополудни стали ждать затмения. Надеваем очки, а солнце все равно слепит так, что глаза спалить можно. Мы удивились: как так? Что такое? Очки для сварки – негодные. И тогда мы давай их стекла прямо на костре коптить! Вокруг меркнет свет, а мы все коптим и на солнце то и дело смотрим, все недостаточно, все слепит. Уже потом, когда Луна закрыла солнце больше чем наполовину и сумерки стали заметны, вот тогда мы увидели это фантастическое зрелище. Очки наши заработали. Мы все копотью перепачкались, руки, носы, как у кочегаров. И вот Луна медленно, снизу вверх наступает на солнечный диск. Я в наушниках музыку какую-то эпическую слушаю. И тут солнце полностью закрывается. Мы снимаем очки. На несколько секунд наступает темнота, почти как ночью, зажигаются звезды, а через три с половиной минуты, кажется, через целую вечность, появляется корона из протуберанцев. Время останавливается. Дальше – первый выходящий луч солнца и то самое бриллиантовое кольцо. Я ничего прекраснее этого величественного зрелища не видела никогда. Знаете, геронда, никакая компьютерная графика не может передать такое. Сколько я потом работала в индустрии и всякую графику видела, но это повторить не могут. И тут меня охватывает восторг, такой, какого я никогда прежде не испытывала. Я начала кричать от радости. Бедный Миша, он мне позже сказал, что хотел насладиться необычным явлением в тишине, прочувствовать этот момент, а я прыгаю по острову и кричу во весь голос, и мешаю ему уловить высший смысл.

Кажется, я тогда солнцу кричала какие-то наивности, как живому, что-то вроде: «Я верю в тебя, я знала, что ты сможешь! Ты сделало это!»

На следующий день мы поехали по драйзеровским местам, нашли это самое «озеро Большой Выпи», только на самом деле оно называется Биг Мус. Драйзер – один из любимых писателей Миши. Мы часто спорили с ним и о кино, и о литературе. Мне Драйзер всегда казался слишком занудным, может, мне только казалось, что он неумело подражает Достоевскому и что «Американская трагедия» – просто аллюзия на «Преступление и наказание». И эта его манера описывать подробно внешность каждого персонажа откровенно меня раздражала, а Миша, напротив, был в восторге от него, ну да у него режиссерский взгляд на жизнь. Знаете, когда мы были в Филадельфии, он меня первым делом повел в музей тюрьмы. Да, мы пошли с ним в тюрьму – но не потому, что там сидел сам «Великий Аль» Капоне, а потому, что роман «Финансист» начинается с описания именно этой тюрьмы. Потом мы сидели напротив тюрьмы и пили кофе, а Миша все не мог успокоиться насчет Драйзера. А вот в музей Изыщных искусств, на лестничных пролетах которого снимался культовый фильм со Сталлоне и который находился в двух шагах от филадельфийской тюрьмы, Миша принципиально отказался идти! Фильмы вроде тех, в которых снимался Сталлоне, он считал пошлостью современного кинематографа. А я хотела посетить музей искусств ради Моне! Что еще первым делом можно посмотреть в Филадельфии? Конечно, тюрьму и лестницу, по которой бегал Сталлоне.

Я усмехнулась, потеряла переносицу и продолжила:

– А тогда мы нашли ту самую гостиницу, куда приезжал Драйзер описывать кульминационные события своего романа. Оказалось, что гостиницу последние сто пятьдесят лет держит одна семья, и старушка – хозяйка и администратор – нам с гордостью поведала, что озеро Биг Мус – то самое озеро, где разворачивались реальные события, по следам которых позже прошел писатель. Он жил в этой гостинице, когда описывал Адирондак. И что они гордятся такой исторической миссией их маленького лесного приюта. Мы тогда тоже взяли весельную лодку и отправились на прогулку. Правда, после событий, которые описывал Драйзер, прошло

уже сто лет и берега озера были уже густо застроены частными домами, но темные воды озера все так же хранили загадочность и глубинный холод. Ту самую «драйзеровскую» атмосферу, как тогда заметил Миша.

А после поездки я узнала, что жду Мэри. Она родилась как раз на Рождество 2025 года уже в Лос-Анджелесе. И вы знаете... Мэри, это удивительное чудо, с рождения была похожа своей яркостью на тотальное затмение. Мэри напоминала инопланетянку, если можно так выразиться, – я улыбнулась. – Она совершенно была не от мира сего. Она думала не так, как все нормальные люди. Даже в свои двадцать три она оставалась ребенком с гениальным трехмерным умом. Она мыслила и видела все объемно, словно находясь вне времени и пространства, ее мир был миром солнечного затмения, когда космос приходит на Землю. На вещи, на людей, на предметы, проблемы и теории она смотрела в объеме. Не так как смотря на куб, ты видишь всего лишь одну сторону, а три другие для тебя сокрыты и, чтобы их увидеть, надо повернуть куб в руках, но и тогда ты не увидишь куб в объеме, а увидишь лишь другую сторону. А она видела куб, геронда, я не преувеличиваю! Она с детства меня зачастую ставила в тупиковые ситуации, задав какой-нибудь самый простой вопрос, который обычному человеку даже в голову не придет.

Мы помолчали, прислушиваясь к тишине. Пауза как продолжение диалога. Я редко была столь многословна: пожалуй, в последние годы ездила выговариваться только к отцу Гавриилу. И сейчас, понимая, что таких встреч, как раньше, у нас больше не будет, испытывала щемящую горечь.

– Да, дорогая моя, ты много раз говорила мне про Мэри. Я разделяю твою боль и понимаю, почему ты каждый раз мне о ней говоришь. Не кори себя за это. Знаю, знаю, в монашестве не принято вспоминать прошлое. Первый шаг Лествицы²⁹ – отречение от мира. Мы от всего отрекаемся – от прошлой жизни, от родителей, от детей, но не все достигают этого идеала. Мука прошлым – это искушение, демоны пытаются отвлечь монашествующего от общения с Богом. Если у монаха тоска по прошлому, значит, ему еще много нужно трудиться над собой. Идеала достигают немногие. Борьба за бесстрастие – это норма. Картон не выдерживает натиска демонов. Чтобы стать тверже, надо пройти огонь искушений и скорбей, упражняясь в терпении.

То, что проходишь ты, дитя мое, – нормальный монашеский путь. Через тоску Господь может сделать монаха лучше и терпеливее. Поэтому не укоряй себя.

А вот про затмение я и не знал, да и сам не видел его никогда. Ты очень интересно рассказала. Я тебе тоже расскажу одну историю. Многие думают, что я в монастыре с юности, но это не так. Я был женатым человеком, молодым доктором. Мы жили в Афинах. И вот моя жена умирает в родах вместе с ребенком. Как оказалось – врачебная ошибка. Если бы я не был врачом, никогда не узнал бы об этом. Когда я понял, что виноват врач, принимавший роды, то решил наказать его. Я хотел во что бы то ни стало добиться справедливости, хотя прямых доказательств вины врача не было. На бумагах все выглядело как естественные причины гибели матери и плода. Сначала хотел требовать справедливости через суд, но, не добившись ничего, решил действовать сам. Я приобрел пистолет и хотел подкараулить и убить врача. Сейчас я понимаю, что Бог меня удержал от этого чудовищного деяния. Всякий раз, когда я караулил доктора возле его дома, мне что-то в последний момент мешало, вмешивалась какая-то сила. То врач нес своего маленького сына на руках, то выводил из машины свою престарелую мать. Однажды на предполагаемой линии огня оказалась молодая женщина с коляской, непонятно

²⁹ Лествица (со ст. – слав. «Лестница»), Лествица райская, Скрижали духовные – основное сочинение Иоанна Лествичника. Текст «Лествицы» включен в 88-й том *Patrologia Graeca*. Написана в конце VI века по просьбе Иоанна, игумена Раифского монастыря. Представляет собой руководство к совершенствованию. Образ «Лествицы» заимствован из Библии, где описано видение Лестницы Иакова, по которой восходят ангелы (Быт. 28:12). Сочинение относится к разряду аскетической литературы.

откуда взявшаяся на пустынной улице. Но как-то вечером я все же застал врача в полном одиночестве, сидящим на скамье возле дома. Он вышел покурить, сидел в тапочках и домашнем халате, и я подумал: вот этот случай! Я уже почти нажал на курок, рука моя не дрожала и была тверда, намерения мои так же были неизменны, как вдруг прямо надо мной заорал дурным воплем огромный черный ворон. От неожиданности я попятился назад и упал на спину, машинально выстрелив в небо. Ошалевший ворон с криком взлетел, я поспешно вскочил и убежал, словно вор, застигнутый за кражей баранов. Всю ночь как в бреду бродил по городу, меня до исступления душила ненависть, негодование, злоба на самого себя, мне хотелось разорвать этого доктора... И вдруг я вспомнил эпизод из своего детства. У бабушки в деревне была разная домашняя птица, как бывает во всех крестьянских хозяйствах. Моей обязанностью было чистить птичник, и, конечно, я терпеть не мог это делать, сердито ковырял лопатой ссохшийся птичий помет, мечтая скорее отделаться. Хуже того, одна индюшка нападала на меня сразу же, как только я появлялся в птичнике. Она клевала меня, била крыльями и кричала. И однажды в гневе я схватил ее за распушенный веером хвост и хотел шмякнуть об землю так, чтобы разmozжить ее маленькую глупую голову. Несколько больших перьев из ее хвоста оторвались и остались у меня в руке, а сама индюшка с криком ужаса убежала в дальний угол сарая. И я увидел, что кончики этих перьев теплые, почти горячие и на них выступили капли горячей крови. И эта кровь врезалась мне в память. Я причинил ей страдание. Да, я хотел наказать ее, ведь она мне докучала. Мне стало жалко до слез эту бедную, глупую индюшку, которая, защищая свой выводок, бросалась на меня. Я заплакал, стал просить у нее прощения, понимал, что не смогу вставить эти перья обратно, и что они уже не прирастут. В ту же ночь я понял, что с доктором будет тоже самое. Я, может быть, его убью, но, увидев кровь, горячую и красную, буду сожалеть о содеянном мною. Непоправимом. Я утолю свой гнев только в тот момент, когда нажму на спусковой крючок. А дальше будет горькое отчаяние маленького мальчика на птичьем дворе.

Моя мать посоветовала, видя мое совершенное отчаяние и ожесточение в непросении, поехать на Афон³⁰. Да, я продолжал находиться в отчаянном непросении, потому что уже не мог отомстить обидчику. Я тогда был сильно разозлен на весь мир и на Бога в том числе. «Как Он мог сделать такое с моей семьей? Где Он был, когда погибала моя жена и ребенок? А еще говорят, что доктор – это скальпель в руках Божьих. Но если скальпель держит идиот, тогда, что держит Бог в своих руках?» – в своем умалишении говорил я сам себе. Эти и другие вопросы терзали меня своей неразрешенностью. Я не понимал, что это было большим безумием, чем желание застрелить врага.

Уже по дороге на Афон я выбросил пистолет в море. Но на Святую гору я ехал не с благостными мыслями. Я решил, что если Бог меня остановил тогда, то пусть Он меня и вразумит. Пусть покажет свою благодать. Я часто думал о благодати. Я буквально требовал ее от Бога. Хотел этот непостижимый дар Божий увидеть умом, постичь Ее чувственным образом, а оказалось, что так невозможно. Лишь умная молитва Исихия может привести к этому познанию. На Афоне я прожил не очень долго, потом мне сказали, чтобы ехал в Аризону, подвизался там под руководством блаженного старца Ефрема и постигал все, что хотел, маленькими крупинками и огромным духовным терпением. В восемнадцатом году я туда и прибыл. И вот, сорок шесть лет я в обители.

К своему счастью, я успел застать старца Ефрема в живых. Мы с ним встретились в первый год моего поступления в Аризонский монастырь и в последний год его жизни.

³⁰ Афон (греч. Ἀθῶς) – гора (высота 2033 м) и крупнейшее в мире средоточие православного монашества на полуострове Айон-Орос на северо-восточном побережье Греции, между заливами Айон-Орос (Сингитикос) и Иерисос (Акантиос) Эгейского моря.

– Вам понадобились годы, чтобы найти ответы на свои вопросы, – задумчиво проговорила я. – Вы винили доктора и Бога, я же винила себя и стихию, но, по сути, это одно и то же. Как важно, что вы именно сейчас рассказали мне это!

Видимо, в нашу последнюю встречу мне необходимо было услышать его личную историю. Позже, анализируя пройденный путь, я поняла, что его история стала для меня необходимым наставлением в этот переломный момент моего жизненного пути.

– Полно тебе, я делал, что должно. Моей заслуги нет никакой. Мы с тобой вряд ли свидимся еще раз в этой жизни. Наши земные тропы разойдутся спустя восемьдесят четыре мили отсюда, где-то там, за горизонтом. Но духовно нас никто не разъединит. Поэтому я тебе еще раз сказал про Мэри и дальнейшее, связанное с ней. Мы вот с тобой два монаха, а помогла нам твоя маленькая Мэри. С Богом. Постараюсь писать тебе, если Бог даст. Говорят, для сопротивленцев запретят электронную переписку, но почта бумажная пока что ходит. Да, вы же едете через Айдахо, загляни к моей доброй знакомой старице Макрине, проведай ее. Давно мы с ней не виделись. Узнай, как она. Вот и адрес здесь, – старик протянул конверт.

Мы простились, поклонившись друг другу, как принято у монахов, и разошлись.

Глава одиннадцатая

В светлый пасхальный понедельник задолго до обеда караваны обоих монастырей спустились с горы Глоуб и направились в сторону Хайвей 60. Им предстояло идти вместе до развилки в местечке под названием Шоу Лоу (Show Low)³¹, где их дороги разойдутся в разные стороны. Антониевский монастырь продолжит поход прямо, на северо-восток, а женский уйдет налево, строго на север, а потом западнее – на Аляску, пройдя через все Скалистые горы, или великие Кордильеры³².

Дорога была однообразной. Многих начало клонить в сон. Ехали гуськом: впереди Антониевский монастырь, позади монашеский женский караван.

Майкл явно скучал за рулем. Его рация то и дело с шипением оживала, чтобы потешить слишком молчаливых сестер, не привыкших к пустословию и развлечениям:

– Сестры, посмотрите вперед, какая огромная колонна, не хватает оркестра с музыкой! Нас выгнали, а мы весело идем по этой пыльной земле. Вместе мы – сила. Ваши аплодисменты, – говорил он всякие невинные глупости.

Майклу очень хотелось казаться остроумным весельчаком, всех веселить, поднимать настроение и быть на позитиве. В молодости он увлекался стендапом, ходил на многочисленные баттлы, но почти всегда проигрывал, и на свои плоские шутки обычно получал комментарии типа: «Когда надо смеяться? А что уже надо было смеяться?» Это его задевало, обижало, злило и ранило до глубины души. Непризнанный гений юмора, окончательно разочаровавшись в жанре, ушел из стендапа, решив, что юмор – это просто стиль его жизни, и если кто-то его не понимает – его проблемы. Решение оказалось правильным. Майкл выучился на «пламмера» и неплохо зарабатывал на ремонте сантехники и водопроводных труб. Он искренне верил, или хотел верить, что научился относиться к проблемам и трудностям жизни как к забавным приключениям. Надо снять звезду с неба – нет проблем, Майкл пойдет и снимет звезду. Вам какую в это время ночи? Вон ту? Пожалуйста, хоть все, только ладони подставляйте! Иногда людей это шокировало. Тяжелая ситуация, все в ужасе, не знают, что делать, как жить дальше, приходит Майкл и говорит: а не сходить ли нам за пиццей? В такие моменты его ненавидели, любили, не понимали и могли послать куда подальше вместе с пиццей.

– Да-да, только музыки нам и не хватает для полного счастья, – ответил кто-то Майклу.

Пустынные земли сменились чахлым низкорослым кустарниковым лесом. Караван пополз по захватывающему горному серпантину над рекой Солт (Salt). Была ли она соленой никто из путников не знал. Переселенцам открылись невероятнейшие просторы, раскинутые под простым, классически голубым небом с редкими белоснежными облаками. Картинки сменялись, как в калейдоскопе сменяются стеклянные узоры. Стало намного веселее, все взбодрились.

Въехали в земли индейских резерваций Апачи³³. На перевале, в каньоне у дороги индейская семья продавала жареные в масле национальные лепешки.

Рация вновь ожила.

– Матушка, благословите, – рыкнул, как лев, в микрофон неугомонный Майкл.

³¹ Город в округе Навахо, Аризона, США. Он расположен на Моголлоновом плато в восточной части центральной части Аризоны на высоте 6345 футов (1934 м). Город был основан в 1870 году и получил статус города в 1953 году.

³² Скалистые горы (англ. Rocky Mountains или The Rockies) – основной горный хребет в системе Кордильер Северной Америки, на западе США и Канады, между 32° и 60° с. ш.

³³ Резервация индейцев Сан-Карлос-апачи (Западные апачи: Цек-Аадн), на юго-востоке Аризоны, США, была основана в 1872 году как резервация для племени апачей чирикаа, а также окружающих явапай и групп апачей, изгнанных с их первоначальной родины в соответствии со стратегией, разработанной генералом Джорджем Круком, направленной на натравливание различных племен апачей друг на друга.

– Миша, оглушили, – спокойно ответила я. – Что-то случилось?

– Почему сразу случилось? Индейцы хлеб продают, а у меня Даниил голодный. Я возьму остановку, скупляться. Догоню вас. Вам взять?

– Мы в порядке, спасибо, Майкл. Сильно не отставай. Братия давно спустились в каньон, уже на другую сторону выехали, видишь их? Там, внизу. Мы сильно отстаем. Хотелось бы этот отрезок пути держаться вместе.

Не прошло и минуты, как снова настойчиво и бесцеремонно ожила рация:

– Сестры, хелп! Даниил просится к Ангелине и Биму, скучно ему со мной. Батка хлопцу ничего не рассказывает, – добавил Майкл по-русски. – Давайте вместе возьмем остановку? Возьмите его к себе, пусть переседет.

– Кто-нибудь, заберите у Майкла рацию! – не то проворчала, не то пошутила сестра Ксения.

На крошечном пяточке, над самым обрывом, где индейцы торговали хлебом и мелкой бижутерией домашнего изготовления, могли поместиться от силы три машины.

– Мы все не поместимся, и братия вперед ушли. Надеюсь, они нас подождут за перевалом. Второй автобус с Ангелиной. Ангелина, прием, остановитесь на парковке, к вам Даниил переседет. Соскучился. Мы немного вперед пойдем, догоните нас. Тамара, вы сейчас первые идете, я за вами... Как там трак с курами, хорошо? Сестра Джаванна, отзовитесь, как наши куры?

Рация помолчала, потом ожила, зашипела.

– Трак с курами на связи, как меня слышно? Все в порядке, куры привыкли, тишина, – ответила Джаванна.

– Сестра Даринка, как там наш отец Роберт? Хорошо ли себя чувствует? – продолжила я перекличку.

Не успела Даринка ответить из храмового автобуса, как из рации послышалось клокотанье и бормотанье.

– Отец Роберт на связи и всегда к вашим услугам, моя герандисса! Ваш покорный слуга в прекрасном расположении духа и настроения. Отбой, – игриво отпартовал священник.

Остановились на парковочном пяточке. Солнце уже стояло в зените, внизу открывался захватывающий вид на серпантин, поблескивала мутная змейка горной реки... Какие-то хищные птицы кружили на бреющем полете, высматривая свою мелкую зазевавшуюся добычу. Майкл купил штук десять лепешек. Старуха индианка, смуглолицая и черноглазая, любезно завернула их в пергаментную бумагу и фольгу. Счастливый Даниил, прижимая к себе пухлый пакет, вприпрыжку побежал к автобусу, где его ждала Ангелина. Дверь распахнулась, Бима, который собрался, воспользовавшись случаем, выпрыгнуть из машины, едва удержали на поводке. Внизу за поворотом скрылись последние машины братского монастыря и оставшиеся машины сестер. Отстали сильно.

Даниил устроился с ногами на диванчике, раздал лепешки сестрам, самую большую протянул Биму и, болтая ногами, принялся весело вгрызаться в теплую ароматную хлебную мякоть. Пес мигом проглотил лепешку целиком и, облизнувшись, уставился просящим взглядом на мальчика.

– Так ты ему все скормишь и сам не поешь, – заметила по-русски Ангелина, откусывая край своей лепешки.

– Я первое покушать, – смеясь, ответил ей тоже по-русски Даниил. – Ой, кажется, у меня зубик выходит! – Мальчик сунул в рот два пальца и покачал зуб.

– Не суй в рот грязные пальцы. Покажи, открой рот шире.

– Бе-е, – показав язык, промычал Даниил и вновь откусил кусок лепешки. – Ай, у меня зубик вышел! – Через секунду на его маленькой ладони белой горошиной лежал крупный широкий зуб.

- Отдай его зубной фее, – не растерялась Ангелина и протянула руку.
- Не отдам, – Даниил зажал кулак.
- Зубная фея обидится и не принесет тебе подарок, давай его сюда.
- За рулем сидела сестра София, рядом с ней – сестра Сарра. Она и включила рацию:
- Прием, прием, у нас тут зубная фея пришла, Даниил зуб потерял.
- Поздравляю! – радостно завопил в ответ Майкл. – Я самый счастливый отец в мире!

Вау!

Через полчаса отставшие машины догнали оба каравана, которые снизили скорость в районе каньона. Дальше ехали в обычном режиме.

От Седар Каньен Бридж (Cedar Canyon Bridge)³⁴ начались густые сосновые леса. Дорога незаметно поднималась в горы.

В местечке Шоу Лоу остановились, чтобы попрощаться с братией и для дозаправки. Антониевскому монастырю предстояло пройти более двух тысяч миль. Топливо, взятое с собой, старались экономить. Несмотря на поражение в правах, для переселенцев все еще выделяли лимит топлива – возможно, чтобы избежать на дорогах совсем уж абсурдных ситуаций.

Прощались коротко. День катился к вечеру.

После местечка Сноуфлейк (Snowflake) встретили заход солнца. Справа с востока стремительно надвигалась ночь, вытесняя свет на запад. Движение границ света и тьмы здесь наблюдалось очень четко.

– Братья и сестры, ищем место для ночлега, – объявила я по рации.

– Пустынная местность, остановиться пока негде, смотрим карты.

Ночевка в дикой природе – не самый лучший вариант, а рядом с большой дорогой, которая может принести любую опасность, – особенно. Стоять в городах, даже маленьких, не хотелось по той же причине. Хотелось не привлекать к себе внимания, двигаться как можно незаметнее. Зброшенные кэмпграунды для ночевки подходили идеально. Стоящие там трейлеры выглядели естественно. Плюс удобные площадки для парковки и костров. Несмотря на почти полный упадок туризма, разношерстные путешественники и даже люди, ведущие кочевую жизнь, все же встречались.

Еще час ехали в полной темноте. Было поздно, темно, все очень устали. Наконец въехали в городок под названием Холбрук (Holbrook)³⁵, где нашли неудобное пристанище между городской свалкой и паркингом для дальнотойщиков. Решили заночевать здесь, а с рассветом выходить без завтрака и задержек. Назавтра планировался очень большой перегон.

³⁴ Стальной арочный мост с ребристыми балками на шоссе US 60 около Шоу-Лоу, Аризона, США, пересекает каньон Сидар. Его общая длина составила 250 футов (76 м). Cedar Canyon Bridge был включен в Национальный реестр исторических мест 30 сентября 1988 года.

³⁵ Административный центр округа Навахо, Аризона, США. Был основан около 1881 года, когда через его окрестности прокладывали железную дорогу. Он был назван в честь главного инженера Атлантической и Тихоокеанской железной дороги Генри Холбрука.

Глава двенадцатая

15 апреля 2064 года, вторник.

Тронулись на рассвете. Быстро промчались сквозь скучнейший город со скудной растительностью и бедной застройкой. С 60 дороги свернули на хайвей 191. Навигация предлагала маршрут через резервации Хопи и Навахо-Нейшн. Это пустынные красные земли, часто называемые «марсианскими». Водителей поочередно меняли, давая всем отдых. Только Майкл стабильно вел свой трак. Маленький Даниил окончательно переселился к сестрам и поближе к Биму. Ехать с отцом он категорически отказался, ссылаясь на скуку. Ангелина с радостью взялась занимать его в дороге. Она не любила водить машину и за руль садилась только по необходимости. Права Ангелина получила уже живя в Аризоне. В хасидской общине женщины за руль не садились, поэтому вождение для Ангелины до сих пор было в диковинку.

Я села за руль. Рядом дремала сестра Ксения, не любившая разговоров, особенно бессмысленных. Однообразие дороги утомляло инокиню так, что ей постоянно хотелось спать. При этом Ксения обладала способностью слышать все сквозь сон – словно она не спала, а стояла на страже.

– Дениэл, расскажи, что ты любишь? – попросила Ангелина, вновь перейдя на русский, словно опасаясь ушей Ксении. Теперь их болтовню понимала только я.

– Маршмеллоу, чипсы, попкорн, но мама мне всегда говорит, что это вредно.

– Нет, я не про еду, и, кстати, мама твоя права. Давай начнем учиться. Я могу учить тебя французскому, ивриту, а вот матушка Вирджиния может научить тебя русскому, – пытаюсь вызвать в мальчике какой-то интерес или хотя бы нащупать точки соприкосновения, продолжала Ангелина.

– Зачем мне французский, если я американин? А по-русски я и так говорю. Папа со мной разговаривает. Когда я был маленький, он меня заставлял говорить с ним по-русски.

– Не американин, а американец, – деловито поправила его Ангелина. – А ты сейчас большой?

– Сейчас да. Мне уже десять.

– А выглядишь на восемь, – беззлобно подколола Ангелина.

– А я есть не люблю, поэтому жду, чтобы наголоднулся.

Даниил принялся рассказывать о своих играх, в которых ни Ангелина, ни другие сестры ничего не понимали, но она умело делала вид, что во всем разбирается не хуже своего маленького питомца.

Мальчик с упоением рассказывал о каком-то роботе в компьютерной игре:

– У него мининюк, корпус из титаниума, он держит много энергии! Я буду оба делать, я получу плохую репутацию, чтобы я получил другой конец.

– Зачем тебе плохая репутация? – продолжала допытываться инокиня, окончательно запутавшись в сложностях детской игры.

– Другой конец хочу получить.

– Какой же?

– В игре – четыре конца!

– Да это плохая игра! – возразила Ангелина от безысходности.

– Она не плохая, о чем ты? Меня интересуют другие вещи, чем ты, – эмоционально парировал Даниил.

Я краем уха слушала их веселые препирательства. Милая болтовня умиляла меня, как умиляет невинный щебет небесных птичек, которые сидят на ветках и чирикают о чем-то, понятном только им.

Инокния Ангелина выросла в религиозной еврейской семье, в соблюдении строжайшего закона. Ее детство и юность прошли в одном из хасидских кварталов Монреаля в Канаде. В восемнадцать лет родители сговорились выдать ее замуж. Хава, как звали тогда Ангелину, бежала из общины и из дома перед самым обручением.

О ее тайной вере во Христа и о том, как она к этому пришла, в общине не знали и даже не догадывались. Ее поведение выглядело как бунтарство и нежелание выходить замуж. Признать перед общиной свою новую веру Хава не могла. Побег из Канады для того, чтобы затеряться на просторах США, казался ей единственным выходом. В один из шабатов, воспользовавшись удобным моментом, когда все мужчины были в синагоге, она вышла из дома и исчезла навсегда. Когда ее хватились, Хава уже мчалась в поезде Монреаль – Нью-Йорк навстречу новой жизни.

Нью-Йорк принял беглянку равнодушно. Огромный человеческий водоворот затягивал людей как песчинки. В этом мегаполисе еще можно было скрыться от всевидящего ока цивилизации. К тому времени, когда Хава бежала из общины, несколько таких мест на земле еще сохранилось. Технический прогресс давно stagнировал, ничего прорывного, нового не изобреталось: цивилизацию сильно потрепало последней мировой войной. Только системы слежения, распознавания лиц, биометрия и прочие заградительные меры, призванные служить якобы безопасности людей, продолжали развиваться с помощью изобретенных еще в далекие двадцатые годы программ искусственного интеллекта. Скрыться, затеряться, уйти от преследования было практически невозможно. Мир становился все более и более прозрачным, а люди были похожи на участников шоу «За стеклом». Тотальный личностный учет сделался общемировой ценностью.

Война только закончилась, и все выжившее послевоенное общество покатилося по мирным рельсам – как вещала электронными голосами круглосуточная пропаганда. «Мир и безопасность» – главный лозунг, повторяемый как мантра на каждом углу. Всюду светила и сверкала реклама безопасности. Охранные системы безопасности, безопасное питание для вашего питомца... Везде мелькали таблички «Staysafe» или «Keepsafe».

Но система «Мира и безопасности» время от времени сбоила. Большие мегаполисы – Нью-Йорк, Чикаго, Лондон, Париж, Гонконг – все же имели подпольные теневые зоны, «двойное дно», где не все просматривалось и проверялось. Искусственному интеллекту с его стремлением к мировому господству установить это господство все еще не удавалось. Неподконтрольные анклав, тайные собрания, синдикаты, подземные лабиринты, подвалы, хранилища, напоминавшие иллюстрации к старому культовому фильму «Пятый элемент». Ходили слухи, что в таких местах можно затеряться даже человеку, которого разыскивает правительство. Даже труднодоступные леса и горы серых зон не были так надежны, как тайные сети больших мегаполисов, управлявшиеся многоуровневой иерархической мафией. Уничтожить эти сети было так же сложно, как вытравить тараканов.

Люди обходили системы, которые сами же когда-то создавали, чтобы уйти от «Ока» – так называлась программа, объединяющая все платформы AI. Посредники-проводники неплохо зарабатывали на проходах в тайные лабиринты по настоящим и поддельным кодам, продаже и перепродаже двойников программ-распознаваний. Те самые компьютерные гении, сидящие в разных уголках нашего мира, не были похожи на проводников в джунглях, хотя аналогия просматривалась. Те, кто пользовался услугами проводников, никогда их не видели и не могли даже догадываться, кто они и откуда. Девиз хакеров был таков: «Если ты управляешь AI, он не может управлять тобой».

Все прогнозы и пророчества о восстании машин и выходе их из-под контроля человека не оправдали себя. Человек оставался творцом: только он мог управлять компьютерами и сдерживать их. Искусственный интеллект продолжал служить человеческому.

Был ноябрь – один из самых противных месяцев в Нью-Йорке. Хава оказалась на бетонных улицах, продуваемых со всех сторон серыми промозглыми ветрами, приходившими с

широких приатлантических заливов Гудзона. Шпили вековых небоскребов пронизывали своими верхушками дождевые тучи, из которых сыпалась мелкая морось вперемежку с колючей ледяной крупой. Прохожие кутались в модные непромокаемо-непродуваемые плащи, изготовленные из нетканых материалов нового поколения, переработанных из мусора. Как говорил еще в двадцатом веке один итальянский мафиози: «Настоящие деньги – это не наркотики и оружие, а мусор». Слова крестного отца в полной мере воплотились во второй половине двадцать первого века, когда из мусора начали делать все – включая новое биотопливо, заменившее традиционный бензин и дизель. Пророчества о гибели двигателей внутреннего сгорания также не сбылись. Те, кто делал ставки на электромобили, тоже сильно ошиблись. Запасы нефти после войн истощились, на изобретение новых двигателей не было ресурсов, и тут очень вовремя появилось мусорное топливо, дающее возможность людям продолжать использование всей старой техники. Автомобили пятидесяти – и шестидесятилетней давности никого не смущали, старые марки даже ценились за свою надежность и неприхотливость – в отличие от новомодной электрики, которая так и не смогла победить биотопливо.

Хава брела сквозь морось и вечерний туман, надеясь найти приют и помощь в православном храме. Успеть родиться в новую жизнь, прийти к Нему, тому, кто сказал ей: «Талифа Куми», пока люди из общины не обнаружили ее, не нашли и не вернули обратно силой. Если ее найдут и узнают, что она уже христианка – жестокого наказания за вероотступничество не избежать.

Поздно вечером, продрогшая и замерзшая, Хава добрела до синодальной церкви. Пальцы на ногах стерлись в кровь и ужасно болели: хасидские женские туфли не рассчитаны на длинные пешие прогулки, а кроссовок у Хавы никогда не было. Ее принял и обогрел митрополит. После крещения девушка скрывалась в Ново-Дивеевском русском монастыре, где прожила еще несколько лет, пока не пришла новость о том, что вся ее многочисленная семья вместе с общиной переселилась из Канады в Израиль.

Хава выучила русский язык, много изучала православное богословие, даже закончила экономический факультет колледжа. Там же, в монастыре под Нью-Йорком, она приняла иноческий постриг с именем Ангелина, окончательно решив посвятить себя Богу. Потом митрополит, покровительствовавший Ангелине и ставший ее крестным отцом, посоветовал ей переселиться в Аризонский монастырь, считая, что пустынное уединение более полезно для монашеского духа, нежели жизнь в бойком пригороде Нью-Йорка.

Хаве-Ангелине сильно повезло: ее не стали искать, ей удалось скрыться.

Иудейские общины получили от мирового правительства полную религиозную свободу без официальных объяснений. Но это было не беспричинное решение. Пророку Иезекиилю эта Божественная тайна была известна задолго до Рождества Христова. «И возьму вас из народов, и соберу вас из всех стран, и приведу вас в землю вашу»³⁶. А техническую сторону этого исполнял – Бенджамин Эльфат³⁷ еврей пакистанского происхождения из колена Данова³⁸.

³⁶ Иез 36, 24–32.

³⁷ Имя Эльфат является редким и уникальным. Оно имеет свои корни в арабском языке и обладает глубоким символическим значением. Эльфат переводится как «благородный» или «возвышенный». Это имя нередко применяется для обозначения выдающихся личностей, которые отличаются своей утонченностью и достоинством. Люди с этим именем обладают сильным характером, уверенностью в себе и стремлением к достижению высоких целей.

³⁸ Колена Даново (ивр. דָּנַן) – одно из колен Израилевых. Произошло от Дана, пятого сына патриарха Иакова. Занимало небольшую по размерам территорию Ханаана впоследствии по соседству с Филистимлянами, поэтому часто подвергалась нападениям со стороны последних. От Дана в Египте произошло колено, которое во времена исхода из Египта насчитывало 62700 человек (Чис. 1:39).

Глава тринадцатая

Штаб-квартира МОСГ, март 2064 года

О Бенджамине Эльфате, председателе МОСГ, почти ничего не было известно. Личность, невесть откуда взявшаяся, но, как оказалось позже, обладавшая почти неограниченной тайной властью. Эльфат скрывал свое происхождение даже от самых приближенных лиц, и у него были на то причины.

Бенджамин сидел в своем кабинете в старом здании бывшего ООН на Манхэттене (Turtle Bay Manhattan) и всматривался в голубую дымку смога большого вечного города. Зданию давно стукнуло сто лет, но после ликвидации ООН его подвергли капитальному ремонту. Но никакой ремонт не мог сделать это здание современным.

Формально ООН ликвидировали из-за несостоятельности: она прошляпила начало третьей мировой войны, отвлекаясь на локальные конфликты, пропустила подготовку «Большого заговора пустынь» и «Пробуждение спящего дракона».

МОСГ ассоциировали с новой ООН: человеку свойственно искать похожие параллели в истории, да и заявленные цели о мире и безопасности у обеих организаций совпадали.

– Это дело времени, – размышлял про себя Бенджамин. – Мы возведем не только Третий Храм, мы построим еще и новый Вавилон. И тогда там будет новое здание, где разместится все мировое правительство, а храм станет духовным источником планеты. А это здание – только пародия, но оно и к лучшему. Мир не должен понимать наших глобальных планов. Потому что это только начало.

Эти мысли его захватывали, теребили его воображение. Он мог часами размышлять о судьбах мира, вставал и ходил взад-вперед, потирая ладони. «Плебеи останутся плебеями, им не надо объяснять, что к чему. Теперь править будут сильные». Здесь он не был оригинален.

Когда Эльфат пришел к власти, он подумывал о том, чтобы занять Овальный кабинет, потеснить очередного господина президента, но, поразмыслив, не стал этого делать. Зачем?

– Пусть свой кабинет президент оставит для таких же старых пердунов и думает, что они там чем-то управляют. Страной под названием США, например, – Бенджамин рассмеялся. – А я – всего лишь генеральный секретарь, скромная должность в современных реалиях.

Его единственный видящий глаз скользнул по шпилям городских небоскребов. Он родился зрячим всего на один глаз, но этот глаз по остроте был сравним с орлиным.

По официальной версии свободы для еврейских общин были приняты на ежегодном всемирном собрании ассамблеи МОСГ. Евреи больше не подвергались притеснениям за так называемое сопротивление и могли веровать, следовать обычаям и обрядам как хотели в соответствии со своими священными писаниями и тысячелетними традициями. Они стали исключением из правил. Начало этому уже было положено по окончании мировой войны с «Драконом пустыни». И это сделал он, Бенджамин, отдавая дань своему гонимому много веков народу.

Мир на пороге войны в конце двадцатых – начале тридцатых годов был терзаем многочисленными арабо-израильскими конфликтами. Израиль непрерывно сотрясали войны и террористические акты. Это препятствовало воссоединению рассеянного еврейского народа, который еще сто лет назад, в 1948 году, начал собираться со всего мира в свою Землю Обетованную³⁹. Библейские пророчества о воссоединении сбывались одно за другим, начиная с сере-

³⁹ Создание Государства Израиль – политический процесс, начавшийся с появлением движения политического сионизма в 1897 году и завершившийся уже после провозглашения 14 мая 1948 года его независимости, победой в Войне за независимость и принятием в ООН к середине 1949 года. Создание Израиля было продиктовано многовековым стремлением евреев к возрождению национального очага на исторической родине и массовыми преследованиями, которые настоятельно требовали политически гарантированного убежища для еврейского народа.

дины двадцатого века. Примечательно, что это началось после второй мировой войны, а после последней мировой продолжилось уже в прорывном порядке. Тремя годами раньше образовалась и Лига арабских государств⁴⁰, которой за сто лет своего существования до последней войны удалось объединить весь исламский мир. То, как они позиционировали себя изначально, ничего общего не имело с тем, чем все закончилось. Лига активно развивалась по пути религиозного объединения: так шарики ртути стремятся собраться воедино. Объединившись против общих врагов – евреев и развращенного мира во главе с США, – они забыли свои внутренние противоречия, придя к относительному согласию и общему финансированию всех исламистских структур, то есть великой исламской революции.

До войны «Дракон пустыни» тихо набирал силы, финансируемый арабскими шейхами и королем Саудовской Аравии, который был наделен неограниченной властью. В то время в Пакистане родился маленький Бенджамин. Ребенок был слаб и еле выжил, одна нога у него оказалась короче другой. А позже выяснилось, что он еще и слеп на один глаз. Его матерью была шестнадцатилетняя девушка из религиозной еврейской семьи, и чтобы избежать семейного позора, его взяла на воспитание старшая замужняя сестра матери, официально ставшая матерью Бенджамина, а ее муж стал его официальным отцом. Своего биологического отца он не знал, но тот покровительствовал ему. Это было странное запутанное родство. Многочисленные семейные тайны. Огромные капиталы семейного клана открывали огромные возможности в жизни и карьере, но и тяготили своим бременем.

Бенджамин учился в лучшей закрытой лондонской школе, а над его ногой много лет колдовали лучшие врачи, мировые светила ортопедии. Через мучительную боль Бенджамин научился ходить уверенно. Его шаг ныне был настолько четким, что его узнавали по звуку ботинок. Он с отличием закончил Гарвард, защитив две диссертации. Он справлялся с любыми задачами, и его могущественные покровители предложили ему незаметную должность в ново-рожденной послевоенной Организации свободных государств, занявшей место провалившейся ООН. Она должна была объединить весь мир, сделав его идеальным и цивилизованным. Последние пять лет Бенджамин занимал должность генерального секретаря. Ничего особенного, как он считал.

– Время страстей человеческих, – повторял он, стоя у окна.

Еще в детстве читая эту книгу, он поклялся себе, что не будет таким, как Филипп, не будет наивно просить у божества исцеления от хромоты, стоя голыми коленями на холодных половицах. По слухам, один лжец, имя которого ему даже произносить было противно, якобы исцелял слепорожденных, исцелял парализованных, а его ученик поднял на ноги сидящего на паперти хромого с рождения. Вот он, Бенджамин – бывший парализованный и наполовину слепорожденный, здоровый и могущественный, наделенный необъятной властью. Нога его больше не спотыкается, а слепой глаз не мешает, хотя и видит только тьму.

Сегодня Бенджамин ждал доклада по подготовке к внеочередной ассамблее, той, которая должна была решить вопрос с отселением сопротивленцев, преимущественно христиан. Пусть их будет немного, таких принципиальных и упертых, но их не должно быть в чистом идеальном мире. Их следует выморозить где-то на севере, на задворках планеты, в подконтрольных резервациях, как вымораживают клопов в загаженном матрасе. Проект борьбы с сопротивленцами долго и тщательно обсуждался за закрытыми дверями, а затем поэтапно внедрялся руководством на протяжении нескольких лет. Действовать надо постепенно, с умом, как говорил один из учителей Бенджамина.

⁴⁰ Международная организация, объединяющая арабские государства, а также ряд дружественных им неарабских, в которых арабский язык является одним из официальных. Состоит из 22 государств-членов. Создана 22 марта 1945 года на основании Александрийского протокола.

Почему же стало возможным воплощение в жизнь наших глобальных планов? Бенджамин полагал так:

«Дракон пустыни» захотел заставить весь «развращенный мир» считаться с законами шариата. А центром мирового управления сделать несколько богатейших арабских столиц, где бы и правили славные и древние роды арабских шейхов, на роль одной из которых был выбран искусственно построенный Дубай – «чудо пустыни».

Это было большое противостояние сынов Авраама: Измаила, коими и являлись арабы, и Исаака, коими были сыны еврейского народа, ждавшие много веков и поныне ждущие пришествия Мессии. Весь остальной мир для этих двух древних столпов являлся лишь инструментом для достижения великой цели. Все так называемые гуманитарные ценности человечества были, как всегда, лишь традиционным прикрытием. Сыны Измаила считали, что пальма первенства в этой борьбе должна быть отдана им, а сыны Исаака, Иакова ждали Мессию и были убеждены в своей правоте. Об Измаиле и его потомках сказано в Пятикнижии Моисея так: «Он будет между людьми, как дикий осел; руки его на всех, и руки всех на него; жить будет он пред лицом всех братьев своих»⁴¹.

В двадцатом веке «дикий осел» внезапно и сказочно разбогател на нефти, которая оказалась прямо у него под ногами и которая его же и погубила. Тогда все глупцы завидовали и восхищались этим золотым взлетом.

Золотое безумие начало строить в пустыне невиданные доселе дворцы, небоскребы, блистательные фешенебельные отели, привлекая инвестиции со всего мира. А чтобы повысить ликвидность своих фантастических городов, арабы еще и запустили миллиардные программы по коррекции погоды, чем вызвали возмущение и гнев экологов всего мира. Ученые в то время и так надрывались над проблемами глобального потепления, а тут еще шейхи со своими искусственными облаками в небе. Был большой скандал, но бабло победило, и экологам пришлось заткнуться и заняться проблемами таяния ледников в Гренландии и Антарктиде, борьбой с метаном и животноводством. Шейхи буквально не знали уже, чем себя потешить, перепробовав все мыслимые и немыслимые удовольствия.

Миллионеры и просто состоятельные люди, привлекаемые заманчивыми условиями, стали открывать счета и хранить деньги в арабских банках, не подозревая, что эта ловушка вскоре захлопнется. Богачи, устроившие свои деньги в банки «Дракона пустыни», еще не знали, какую подставу он им уготовил.

Противоречие зрело как гнойник. Весь старый мир еще поклонялся дряхлеющему золотому тельцу, а шейхи пользовались роскошью как инструментом, данным им самим Всевышним.

– Подумать только, – размышлял Эльфат, вольготно развалившись в кресле. – Бывшие бедуины, пастухи верблюдов вдруг завладели огромной властью и несметными богатствами. Но ни строить небоскребы, ни коллекционировать всю роскошь мира в виде элитных автомобилей, личных самолетов и яхт не было задачей шейхов. Они молодцы, тщательно пускали пыль в глаза, при этом планомерно, не афишируя, готовили весь исламский мир к объединению и созданию нового великого арабского халифата или исламского государства⁴², которое всех подчинит их законам. Это их и убило. Агаряне, люди, рожденные от служанки Сарры Агари, не могли стать истинными сынами праотца Авраама⁴³. А мир, вдоволь надышавшись атеи-

⁴¹ Бытие 16:12.

⁴² Исламское государство, раскинувшееся по обе стороны сирийско-иракской границы и вербующее сторонников по всей планете, до сих пор для внешнего мира остается во многом загадкой. «Халифат-отшельник» – так назвал его Грэм Вуд, автор одного из наиболее полных исследований идеологии и практики этого образования. Но, парадоксальным образом, именно степень его закрытости дает возможность понять, с какой именно опасностью столкнулся мир на этот раз.

⁴³ Агаряне – термин, широко используемый ранними сирийскими, греческими, коптскими и армянскими источниками для описания ранних арабских завоевателей Месопотамии, Сирии и Египта. Это название использовалось в христианской

стической и антирелигиозной пропагандой, строил цивилизацию по безбожному принципу, начиная с науки и заканчивая экономикой, не мог разглядеть в происходящем надвигающуюся опасность для всего человечества. А всякие дурачки тупо продолжали дергать за яйца золотого быка на Уолл-стрит (Wall street), наивно думая расположить к себе эту кучу бесполезного железа или некое долларовое божество, обитающее в идоле.

На улице темнело, и большой город загорался тысячами мерцающих разноцветных огоньков.

– Они все поставили не туда и проиграли. Плебеям религия нужна, чтобы окончательно не встать на четвереньки, а сверхлюди – сами религия. Ницше еще в старые времена это правильно заметил, – критически оглядывая мерцающие огни города, прошептал Эльфат и погрузился в молчание. Вскоре казалось, что он спит в кресле: веки его были полуприкрыты, восковое лицо не выражало ничего.

Тогда еще не знали, что мировую войну развяжет не Америка с Россией, а спящий «Дракон пустыни».

В довоенное время никто и представить себе не мог, что величайшая религия мира потерпит полное поражение в результате этой самой войны, ее остаток рассеется по разрозненным резервациям в горах Афганистана, Пакистана и бывшего Ирана. Все арабские государства фактически прекратят свое существование, будучи превращены в буферные зоны. К Израилю будут присоединены земли стран Ближнего Востока, с планами превратить их в цветущие, развитые и безопасные для жизни области. И только это сможет открыть прямую дорогу к строительству Третьего Храма.

Китай, традиционно антирелигиозное государство, пошел войной против арабского мира, видя в исламизации планеты очень серьезную угрозу для себя⁴⁴. Он со своей миллионной армией вступил в третью мировую войну на стороне мирового сообщества, хотя изначально схитрил, пообещав «дракону» всяческую поддержку якобы в обмен на свое собственное самоопределение.

Все великие города Аравийского полуострова были стерты с лица земли, остатки величественных зданий смешались с песками пустынь. А все славные роды арабских шейхов были уничтожены.

Остатки нефти были переданы в распоряжение нового Израиля и некоторых соседних стран, как репарации. Китай сохранил свой нейтралитет, а позже получил почетное место в десятке Верховного совета МОСГ.

После таких перемен иудейским общинам по всему миру был дан зеленый свет для переселения в очищенную от преград Обетованную Землю, где уже проектировалось восстановление разрушенного Иерусалимского храма, и это был их долгожданный карт-бланш. Так совпало, что очень скоро после бегства Хавы хасидская Община получила так называемый «пермит» и переселенческие подъемные. На фоне предстоящих перемен инцидент с исчезновением еврейской девочки в Общине предпочли замять. А в ее семье – забыть, как некрасивое пятно, бросающее тень на всех членов семьи. Все готовились к большому переселению туда, где должен быть восстановлен третий Иерусалимский храм, и где евреи могли наконец дожидаться прихода Машиаха.

литературе и византийских хрониках для арабов «Ханиф», а позже для исламских сил как синоним термина «сарацины». Имя, взаимозаменяемое с измаилиты, стало также означать любого мусульманина.

⁴⁴ Именно Китай, согласно некоторым пророчествам, перейдет реку Евфрат. Откр. 16:12. Библия говорит: «Шестой Ангел вылил чашу свою в великую реку Евфрат: и высохла в ней вода, чтобы готов был путь царям от восхода солнечного».

Глава четырнадцатая

– Ангелина, расскажи Даниилу о Великом потопе⁴⁵, – внезапно вмешалась в разговор сестра Ксения. Длинный острый нос делал ее похожей на ученую цаплю, а очки с большими диоптриями слегка уменьшали глаза, придавая им хитринку и загадочность.

– Почему именно о потопе? – удивилась Ангелина неожиданно предложенной теме.

– Мы сейчас проезжаем интересные места, – сестра Ксения показала на восток, в сторону красноватых холмов. – Там располагается парк окаменевших деревьев Petrified Forest⁴⁶. Ребенку это будет интересно. Здесь, где мы сейчас едем и не видим ни одного деревца, рос когда-то дремучий лес. Наверняка это были секвойи или еще какой-то вид допотопных деревьев, нам неизвестных. Жаль, что мы не на экскурсии, заехать в парк не можем, но зато можем посмотреть из окна и представить себе тот древний, совсем другой пейзаж. Очень давно, в молодости я, когда училась в колледже, приезжала в этот парк. Он сильно впечатляет.

Ксения не умела общаться с детьми, хотя считала себя компетентной в вопросах воспитания.

– Снова скука, как в нашей школе на уроке естественных наук, – хмыкнул Даниил, быстро перейдя на английский. Разговор на русском с Ангелиной он воспринимал как беседу на тайном эльфийском языке, когда никто не может их подслушать и понять, Вирджиния была не в счет.

Запертая в тесном трейлере с четырьмя сестрами, ребенком и собакой, Ксения чувствовала себя страшно утомленной. Ее и без того напряженное состояние усугублял страх замкнутых пространств.

В монастыре сестра Ксения несла послушание экскурсовода: принимала и размещала паломников, заведовала книжной и сувенирной лавками. Она легко справлялась с такой работой, водила группы паломников и выверенным академическим языком рассказывала о жизни и истории монастыря. В ее разговорную речь гармонично вписывались обороты «если посмотреть на эту историю вне контекста» или «возможность возрождения старых и возникновения новых путей в современном религиозном искусстве». Выпускница знаменитого Йеля, Ксения называла себя «книжным червем», но была уверена, что такой багаж в монашеской жизни только вредит. Ксению невозможно было поймать за праздной беседой: от бессмысленных разговоров она умело уклонялась, ссылаясь на творения отцов-пустынников, настоятельно рекомендующих монаху упражнения в безмолвии. То ли дело сестра Тамара, которую привезли в монастырь двенадцатилетней девочкой после пожара на ранчо. Тамару и ее сестру воспитала покойная игуменья Сусанна по всем правилам монашеского благочестия. Ксения искренне считала скромное монастырское образование Тамары добродетелью и великим преимуществом: ведь та не была обременена многочисленными книжными знаниями.

Большинство сестер тоже следовали принципу немногословия. Не принято было рассказывать о личном, особенно о том, что происходило до монастыря. Все попытки залетных журналистов, пытавшихся раскрутить монахинь на откровения, неизменно заканчивались провалом. Сестры разговаривали о прошлом очень редко и только между собой.

– Так не видно же ничего! – разочарованно воскликнул Даниил словно в упрек Ксении за неудачный пример. – Где же деревья?

⁴⁵ Потоп всемирный (от греч. – *катаκλυσμός* катаклизмос – «смыть водой») – потоп планетарного масштаба, произошедший по волеизъявлению Бога в качестве наказания людей за богоотступничество и крайнюю развращенность. И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил. (Быт.6:7).

⁴⁶ Один из национальных парков США. Расположен в штате Аризона, между городами Навахо и Холбрук. Представляет собой одно из самых крупных мест нахождения окаменелых деревьев, большая часть которых принадлежат к виду *Araucarioxylon arizonicum* (из отдела хвойных).

– Я же говорю – в парке, справа от нас, это каменные деревья, они превратились в камни. – Ксения тяжело вздохнула, нахмурила брови и отвернулась к окну, пытаясь понять, что не так она сказала, почему урок на тему потопа не удался.

– Ну, тогда неинтересно... Ангелина, расскажи еще что-нибудь!

– Может, тогда и правда почитаем Библию про потоп?

– Давай не сейчас, – сморщил нос Даниил.

– Тогда я расскажу тебе про одну тайну! – Ангелина тут же поймала заинтересованный взгляд мальчика. – Но это моя личная тайна. Когда-то, когда я жила в Монреале, увлекалась искусством и ходила в художественный музей. И вот однажды я обратила внимание на одну картину в массивной коричневой раме с золотой надписью на иврите «Талифа куми»⁴⁷. Это переводится как «Девушка, вставай»⁴⁸.

– Что такое иврит? – перебил ее Даниил.

– Это еврейский язык, на нем Господь говорил.

– Ну, Господь, скорее всего, говорил на арамейском, – вмешалась в разговор Ксения.

Даниил вновь сделал скучающее лицо, монахини переглянулись в бессилии.

– Нет-нет, давай я расскажу, – попыталась спасти ситуацию Ангелина. – Вот здесь, в молитвослове, у меня открытка с этой картиной. Посмотри внимательно, – она оглянулась в сторону всеслышащей Ксении и продолжила шепотом по-русски, чтобы та точно ничего не разобрала, – смотри, девочка уже жива. Она болела, умерла, а потом воскресла. И сейчас еще слаба, это видно. Она открыла глаза, она Ему доверяет! И с любовью смотрит на своего Спасителя. Он держит ее за руку. Смотри, как растворяется ее ладонь в руке Христа. Никого с ними нет, все ушли готовить еду. Он сказал дать ей покушать. Они остались одни, и никто им не мешает общаться. Они молчат, но в этом молчании – вся Вселенная. Вся Любовь нашего Господа, доверие и простота.

Ангелина показала пальцем на муху.

– Смотри, прилетела на труп и запах смерти! – Она поковыряла муху ногтем, словно испытывая эстетическое отвращение и желая прогнать непрошенную нахалку. – А наткнулась на торжество жизни. Муха еще не улетела, оцепенела, не понимает, что произошло. Растерялась. Она ошеломлена, оказавшись лишней на этом торжестве.

– А в чем тайна? – наивно моргая глазами, спросил Даниил, уже пресыщенный количеством информации, которую добрые монахини неумело пытались в него вместить.

Ангелина растерялась. Помедлив с ответом, произнесла:

– Я приходила в музей, стояла напротив этой картины и представляла, что это я лежу на постели, а Христос меня только что вернул к жизни и держит меня за руку. Я даже мухи на руке не замечаю, хотя их терпеть не могу, они грязные. Но не вижу эту муху, потому что я вся в Нем, в его любви. Я была мертвой, а потом нашла жизнь. Я приходила к Нему и разговаривала с Ним часами обо всем, что меня так печалило или радовало, я Ему все рассказывала, и только Он мог меня выслушать. Возвращалась домой, ложилась в кровать, представляя, что я – это она, смотрела на него, а Он смотрел на меня.

Даниил устремил взгляд на Ангелину. Она замолчала. Прикрыла ладонью рот и прошептала, пожав плечами:

– Ну, это, наверное, не детский разговор... Просто мой секрет.

Даниил взял в руки открытку и завороченно, не отрываясь, разглядывал изображение девочки и Христа Спасителя. Ксения раздраженно повернулась в их сторону, прилагая все усилия, чтобы казаться равнодушной.

⁴⁷ תַּלְיָה (ивр.).

⁴⁸ И, взяв девушку за руку, говорит ей: «талифа куми», что значит: девушка, тебе говорю, встань. И девушка тотчас встала и начала ходить, ибо была лет двенадцати. (Евангелие от Марка гл. 5).

Глава пятнадцатая

Дорога в который раз обновила декорации: лунные пейзажи сменились красными, марсианскими. Карминовые столовые горы, похожие на гигантские пни фантастических деревьев всех оттенков – от густой ржавчины до темно-бордовых – возвышались над плоской, как тарелка, землей. Горы и причудливые нерукотворные арки – символы штата Юта. «Местом между скалами, где нет деревьев» называется на языке навахо долина знаменитых скальных башен, разбросанных над ржаво-красными песками как произведения искусства невиданного мастера. Кое-где раскиданы редкие жалкие хижины, открытые солнцу и всем ветрам. Как там живут люди? Непонятно... Эти жилища принадлежат индейским скотоводам, которые тысячами выращивают скот на своих исконных землях. Дорога уходит в резервацию Холи.

Склоны и низины всех оттенков кадмия сменились на холмы, словно припорошенные тонким слоем порошка дижонской горчицы. Холмы, похожие на халву, которую Гулливер поддевает вилочкой и отправляет в рот. Небольшие возвышения над горчичными полями – как обгорелые в пожарище пни. Черные коровы на пастбищах рассыпаны как кунжутные семечки. Холодный дождь, разбухшие реки цвета красного кирпича. Метель. Пустыня белеет в бешеном снежном танце. Вновь марсианские красные горы, вымытое холодное солнце, вышедшее из-за реликтовых скал, словно из логова Мордора. Идиллически мирно пасущиеся кони на фоне исполинских престолов и розовых лучей. Воздух, наполненный ароматом полыни, льется в открытые форточки машин. Традиционные восьмиугольные индейские дома, снежные вершины Пастора Пик и похожие на слоеное пирожковое тесто ровные плато. Прямая, как из голливудских фильмов, стрела дороги – завершающая точка.

Следующую ночевку наметили заранее на реке Сан-Хуан рядом с 191 трассой. Карты показывали большой кемпграунд под названием Сэнд-Айленд (Sand Island)⁴⁹, суливший долгожданный отдых. Уже на закате уставший караван прибыл на ночевку и расположился на берегу непроглядно мутной и стремительной реки Сан-Хуан, несущей свои илистые воды на запад.

Автобус, три RV и три машины легко поместились на старых, редко посещаемых туристами кемпсайтах. Кое-где сохранились деревянные облезлые дощечки с нумерацией участков. Такими же старыми выглядели растрескавшиеся скамьи и столы, размытые дождями и выложенные булыжником места для кострищ. С северной стороны кемпсайт закрывала почти отвесная скала вида обожженной глины. Густо разросшийся цвета цементной пыли кустарник и мелкий лес в песчаной пойме реки отгораживал путников от посторонних глаз, делая их почти незаметными с трассы и с моста.

Припарковались, заглушили двигатели, вышли в вечернюю томную теплоту, разминая затекшие ноги. За день перехода все сильно устали, ведь выехали рано, без завтрака, пройдя дневной путь почти без остановок. Хотелось горячей еды, сладкого крепкого чая и надежды. В такие моменты человеку, утомленному грузом скорбей, всегда хочется поймать ту самую ниточку надежды на светлое будущее, которое неминуемо придет утешением в его страданиях. Сбросить груз, как сбрасывают тяжелый надоевший рюкзак, забыть обо всем, оставив себе лишь звуки биения жизни: треск дров в костре, шелест ветра в ивах. Расправить, расшевелить затекшие плечи и шею и устремить взгляд в краснеющее на закате небо. А потом вознести Богу молитву от всего изболевшегося сердца и увидеть, как та поднимается золотым песком,

⁴⁹ Расположен на северном берегу реки Сан-Хуан в штате Юта, США, примерно в 3 милях к западу от города Блафф, на южной стороне шоссе 191. На скалах в окрестностях кемп-граунда можно увидеть многочисленные петроглифы и пиктограммы. Это популярное место для осмотра достопримечательностей и наблюдения за птицами.

несомым ветром в синие звездные небеса, так же, как летят высоко в небо яркие искры ночного костра. «Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою»⁵⁰.

Майкл быстро взял инициативу в свои руки – и уже через пятнадцать минут у реки жарко горел костер, на который водрузили большой котел. Сестры принялись резать овощи. Намечалось волшебное действо – приготовление настоящего борща от «дяди Миши», который бодро взял бразды правления огненной кухней в свои руки. Послужили краткую пасхальную вечернюю службу и разбрелись кто куда ждать борщ и отдыхать. Устоявшееся веселое трио – Ангелина, Бим и Даниил – резвились возле реки, запуская Бима ловить в стремительном течении резиновый мячик. Довольный пес проворно выполнял команды, бросаясь брюхом в стремнину, азартно греб лапами, выбирался на берег и густо стряхивал миллионы водяных брызг. Ангелина и Даниил кричали и визжали в восторге, снова и снова закидывая покусанный мячик в реку.

Майкл, подвязавший себя темным монашеским передником, колдовал над таинственным варевом, радуясь выпавшей возможности показать собственную незаменимость для всей команды. Начинало темнеть, и насельницы, разбежавшиеся было в разные стороны, собирались к огню в предвкушении свежего борща с дымком.

– Вы такого еще не ели, – приговаривал Майкл, помешивая большой деревянной ложкой весело бурлящую оранжево-бордовую ароматную массу. – Даже отец Роберт идет на запах, – рассмеялся он, заметив ковыляющего к костру священника.

– Если уж и отец Роберт вышел, то нас точно ждет незабываемый ужин, – пошутила сестра Иванка.

Борщ действительно оказался великолепен. Первые полчаса все ели молча, наслаждаясь приятной густой теплотой, мягко вытесняющей голод.

Отец Роберт громко причмокивал после каждой ложки.

– Это что-то из русской кухни? Великолепно, ничего подобного я еще не пробовал. Брависсимо нашему шефу! Брависсимо!

– Из русской, из украинской, что-то вроде того, – принял похвалу Майкл, расплываясь в довольной улыбке Чеширского кота, подчеркивавшей загадочность и непредсказуемость. Как кэрролловский персонаж в жажде быть нужным и незаменимым в обмен на получение своей порции радости и удовольствия от признания. Сейчас его все хвалили, он сорвал наконец шквал аплодисментов, чего Майклу не удавалось на всех его неудачных стендапах.

Первым выразившим желание отправиться отдыхать был отец Роберт, который попросил «завернуть» ему с собой еще одну порцию борща.

– Отец Роберт, дорогой, – крикнула я ему вслед, – очень прошу вас воспользоваться подушкой и одеялом! Пообещайте мне, чтобы я не приходила и не беспокоила вас.

– Да, моя дорогая abbess, только ради вас воспользуюсь не только подушкой, но и кроватью, – отозвался старый священник. – Сегодня был божественный суп, вы все сделали мой день, и я со спокойной душой отойду отдыхать, – отец Роберт послал всем на прощание воздушные поцелуи и растворился в темноте.

Вслед за ним ушли и несколько сестер, у костра остались лишь самые стойкие. Уже совсем стемнело, и лишь теплый свет огня вырывал из темноты усталые лица сестер, играя на них всполохами. Тишину ночи нарушал шум никогда не спящей бурной реки да крики ночных птиц в прибрежных зарослях.

Ангелина увела сонного и обмякшего Даниила, обещая ему прочесть сказку, а утомленный Бим устроился недалеко от костра так, чтобы ему не слепило глаза и не обжигало бока.

– Миша, где вы научились так великолепно готовить? – я решила начать издали разговор.

⁵⁰ Псалом 140.

Давно пора расспросить Майкла, кто он, откуда и почему принял столь смелое решение идти на север с ребенком. А главное – где мать ребенка? Этот вопрос волновал меня не из любопытства. Я всегда боялась задавать людям лишние вопросы, предоставляя человеку возможность остаться инкогнито. Правила женского монастыря не предусматривали столь тесное общение с противоположным полом, тем более с малознакомым, чужим попутчиком.

Майкл словно ждал внимания к себе весь вечер, как ждет его ребенок, которого ставят на табуретку перед новогодней елочкой и просят рассказать давно заученный стишок.

– Я же рос с бабушкой, она меня и научила готовить, – он помолчал. – Моя мать и бабушка бежали от войны. Прежде мы жили где-то в Восточной Украине, точно не знаю название города. Я тогда мелкий был, не больше года. Сначала мы перебрались в Европу, а потом мама с бабушкой решили ехать в США, в Денвер. Там жила дальняя родня, плюс работали какие-то программы для беженцев, которые здесь были более привлекательными, чем в Евро-союзе... Это все со слов матери и бабушки, я же мелкий был, не понимал этих сложностей. Отца я никогда не видел. Когда мы бежали, мужчин за границу не выпускали, а отправляли воевать. Мать ждала его, но отец так и сгинул где-то без вести. Чтобы нам выжить, мать день и ночь работала, а бабка сидела со мной. Потом уже здесь, в США, мать вышла замуж, потом быстро развелась, за это время мы получили легализацию. Вот, в общем, и вся история, – Майкл развел руками, давая понять, что стишок прочитан и его пора снимать с табуретки. Либо же он спрыгнет сам, даже если взрослые попросят рассказать еще одно стихотворение.

– А дальше как? – вдруг, словно выпрыгнув из табакерки, тоном следователя задала вопрос Тамара, которая до сих пор не проронила ни слова и весь вечер просидела вдали от костра.

– А дальше никак, – внезапно отрезал Майкл, пожав плечами.

– «Никак» – это не ответ, – заметила Тамара, сверкнув стеклами очков сначала на Майкла, затем на меня, словно призывая вмешаться.

Майкл, тут же смягчив тон, добавил:

– Даже не знаю, что еще вам рассказать... Не интересно дальше. Пойду дров принесу, а то костер потухнет.

Сестры переглянулись. Когда в темноте затихли шаги Майкла, ко мне подсели Ксения и Тамара.

– Матушка, вам не кажется Майкл странным? – почти одновременно спросили обе.

– Майкл – нет. Мне кажется странным его одинокое путешествие с ребенком. Но я не советую торопиться с выводами.

Ксения замаялась, а скорая на слова Тамара раздраженно добавила:

– Возможно, Майкл выдает себя не за того, кем хочет казаться. А в наши тревожные времена всякое может быть. А вам, матушка, не следует из монастыря делать странноприимный дом. Плюс ребенок, без матери. Мало того, что и так балаган каждый день с Ангелиной...

Из темноты слышались шаги, звук падающей на землю охапки дров. Тамара, не договорив, поправила сползшие на нос очки, быстро поднялась, пожелала всем спокойной ночи и направилась к своему RV. И тут же пожалела о своем решении: намечающийся интересный разговор пройдет мимо, а расспрашивать Ксению не всегда удобно. Некоторое время Тамара постояла в тени, куда не добирался свет костра и ее не могли видеть, прикидывая, под каким предлогом вернуться. Передумала спать? Как-то совсем глупо. А вот! Забыла футляр от очков! И тут же вернулась, пробубнила про забытый футляр и уселась на свое место.

Вернулась и Ангелина, сообщив, что Даниил спит, а ей самой не спится, и она хочет еще погреться у костра. Упоминание о мальчике дало возможность мне задать еще один важный вопрос.

– Михаил, не сочтите за дерзость... Я хотела бы спросить про маму Даниила. Где она?

Майкл молча пошевелил палкой угли в костре, показывая свое нежелание отвечать. Табуретка, с которой он декламировал стихи, была задвинута в угол. Он понимал, что ситуация сложилась скользкая, надо как-то выкручиваться без грубого вранья, и в то же время приемлемо для монахинь. Ведь пока он рассчитывал ехать с ними, а дальше – по ситуации.

– Мне почти сорок три, и я привык свои проблемы решать сам, – огрызнулся Майкл, но тут же осекся. Было ошибкой показывать агрессию и настраивать монахинь против себя. Чего доброго, попросят удалиться. – Простите. Мама Даниила в Денвере, и мы с ней расстались. Развод – болезненная тема, – тут же попытался он оправдаться.

– Она в курсе, где вы? – осторожно спросила я, понимая, что наступаю на самое опасное место.

Майкл снова пошевелил горящие головешки, поморщился, подкинул свежих дров.

– Она устраивает свою личную жизнь. Матушки-сестры, я очень благодарен, что вы приняли меня без лишних разговоров. Мы с вами уже больше недели вместе и прошли долгий путь. Если короче... и вам надо знать, то мы... Что ж, вы и так знаете, что происходило кругом в последнее время. Вакханалия с сопротивлением и нежелательным родством... Вы понимаете, к чему я. Когда это все только начиналось, пока гайки не закрутили всерьез, мы старались смотреть на происходящее сквозь пальцы, надеялись – пройдет, рассосется. А потом подписания всяких соглашений с толерантностью. Меня это не коснулось: я сам на себя работаю и с унитазами соглашения не подписываю. А за жену в госпитале крепко взялись: давайте, мол, подписывайте, иначе с работы выпрем. Ну, она и подписала, думала отстанут, а они еще сильнее давят: давай, мол, кто муж у тебя? А я боялся, что меня признают сопротивленцем, потому что я в церковь сопротивленческую ходил. Но я еще не поражен в правах. Такие дела. Понимаете? А церковь наша ни геев, ни этих, как их, трансгендеров не венчает и вообще все это дерьмо не признает. Думаю, что им скоро кислород перекроют.

– А можно ближе к делу? – вмешалась Тамара, видя, что Майкла понесло в другую сторону. Случайно или намеренно – не важно, она все равно не даст никому задурить ей голову.

– Ближе к делу? Тогда они давай на жену мою давить: либо от мужа бумагу несешь, либо уволим нахрен. Ну, она и сдалась. Пришла как-то ко мне, говорит: либо подписывай, либо мы расстанемся с нежелательным родством. Я типа работу бросить не могу. Любимая работа у нее. Я ей: пошла ты знаешь куда? В общем, мы расстались, Даниил с матерью остался, но я мог сына видеть. А этой весной она просит меня сына взять на каникулы: мол, замуж собралась, надо ей там подготовить что-то. Я обрадовался, вот, думал, в монастырь на Пасху съездим, а потом я с ней поговорю, может, она согласится, чтобы сын у меня жил.

– Но ведь вы решили идти с нами на север? И рано или поздно... – я опять не договорила.

– Верно! Во-первых, первые две недели жена не будет волноваться. Во-вторых, я уже решил: мы не вернемся. Еще до событий с вами я принял решение. Продал свой рабочий минивэн, добавил чуток от накоплений и купил этот пикап-трак. Так что мы с Даниилом не собирались возвращаться, я думал: побудем в монастыре, а потом решим, куда двинуть. Вот и двинули с вами.

– Да, но Даниил разве не будет скучать по матери? И она тоже? Майкл, поймите правильно. Ваша бывшая жена подаст в розыск, вы станете уголовным преступником, как сопротивленец, увезший ребенка. Это если юридически смотреть. А с моральной точки зрения вы увезли от матери дитя, лишили ее ребенка. Какие страдания вы причините и ей, и своему сыну тоже? Даниил же рано или поздно начнет проситься к матери...

Майкл опять оборвал меня на полуслове:

– Не хочу я сына в этот разврат выпускать! Не хочу! У него и так в школе сейчас чего только нет. Я хочу, чтобы ребенок мой в благочестии рос.

– Хорошо, Майкл, давайте поговорим об этом завтра с глазу на глаз, – предложила я, чувствуя, что разговор зашел в тупик.

После экспрессивной реплики Майкла у костра повисло неловкое молчание. Нужно было либо расходиться с испорченным настроением, либо спасать ситуацию. А ведь вечер так замечательно начался, и я почувствовала себя прескверно. Я не стала бы устраивать Майклу столь прямой допрос, но Тамара с Ксенией умело подтолкнули меня к этому.

Ксения, поняв, что не очень корректно вмешалась в разговор, поспешила перевести тему.

– Мне кажется, – начала она, – что мы пришли к катастрофе, став сопротивленцами и изгоями, потому что сами допустили ее. Начиналось все с малого. Вспомните, как было еще, скажем, сорок лет назад. В то время почти все западные церкви признали содомский грех вариантом нормы культуры, морали и даже нравственности. Они не призывали содомитов к покаянию и изменению своей жизни, они распахнули двери своих церквей, сказав, что хотят видеть их в своих собраниях такими, какие они есть. Они продемонстрировали не только нейтральное отношение к греху, но и одобрение его, и распространили мысль о том, что сам Христос принимает этих нераскаявшихся грешников. Не зовет их к себе покающимися и очистившимися, а принимает их как есть и благословляет их жизненный выбор, не имея права на осуждение греха. В знак этого многие христианские церкви повесили на своих дверях радужные флаги. С них все и началось. Это как в поговорке: дай палец – откусят по локоть. Вот они и пошли локти выкручивать, – Ксения говорила почти без остановок, как будто читала лекцию в привычной манере начитанного человека, работавшего в общественном комьюнити.

– Ксения, ну при чем здесь содомиты и флаги? Разве в них дело было? – вставила Тамара, которая давно уже кипела и хотела выпустить пар, попытеть на злобу дня, поняв, что тема с Майклом деликатно прикрыта.

– Тоже немного не соглашусь, – добавила и я. – Хотя вы, Ксения, правильно сказали: началось с попытки усидеть на двух стульях. С одной стороны, мы хотим комфортно жить и договариваться с миром, с другой – хотим быть христианами. А признание содомии нормой было лишь индикатором состояния общества и всех христиан в целом. Дело было в самом обществе и его выборе в сторону зла. И оказалось очередной ловушкой. Вечный принцип сатаны – разделять и властвовать.

– Вот о чем я и говорю, – бодро подхватил Майкл, который тоже обрадовался уходу от неприятных вопросов. – Мир развратился до неузнаваемости!

– И это, и многое другое, подобное, стало последней каплей на пути к пропасти. Отправной точкой, после которой был сделан сознательный выбор в пользу греха, запустив дальнейшую цепочку событий. Неправильная дорога и многочисленные ошибки на протяжении всей истории христианства и человечества в целом, которые обошлись впоследствии очень дорого. Поэтому каждое падение христиан заканчивается гонениями. И сейчас гонений ожидали все. И на фоне достижений правительства параллельные бредовые законы, подразумевающие скрытые и явные притеснения верующих, волнуют не многих. Отсутствие логики – это нарушение причинно-следственных связей, поэтому невозможно установить последовательность мышления, – добавила сестра Ксения.

– Но только не христиан, потому что они знают, что гонения неизбежны. Гонения были и будут всегда до скончания мира, это говорил еще Господь своим ученикам, поэтому здесь как раз все логично. Мы вне мира, а если бы были с миром, то мир любил бы нас, – сказала Тамара тоном проповедника.

– А я еще добавлю, – вступила в разговор до сих пор молчавшая сестра Сарра. – Помните, как в двадцатые кошка выпустила коготки, когда во время первой пандемии всех загнали в локдаун, обязали носить маски и вакцинироваться? Многие врачи тогда были против, рассматривая эту эпидемию как сфабрикованную для проведения некоего эксперимента над обществом. Вот тогда власти впервые за долгие годы попытались навязывать и церквям свои условия: соблюдение так называемых санитарных норм. Сейчас нынешние события с этим никто не связывает, а я вижу взаимосвязь.

– Сарра, вы приводите странный пример, из области теории заговоров, – возразила ей я.

– Все, к чему мы пришли сейчас, началось именно в то время. Я тогда сама работала в госпитале и хорошо это все помню, – не унималась Сарра. – Мне в этом году семьдесят пять, старше меня в нашей дружной команде только отец Роберт. Многие церкви в то время послушно закрылись, испугались вируса, перейдя на онлайн вещание служб, священники оправдывали себя безвыходными обстоятельствами. Это что, чума была? Обычный грипп, слабее испанки во сто крат. Я не называю себя эпиддиссидентом, не ищу в эпидемии мировой заговор, как вы мне это заметили. Сторонники теории заговоров только и делали, что нагоняли смятение в умах, а я за здравый смысл. Первые ласточки и первые цветочки, маленькая репетиция большого театра прошли тогда незамеченными. Уже через год все обо всем забыли, как будто ничего не было. А ведь было. Показали же свою трусость и несостоятельность... – Кажется, Сарра запуталась в собственных причинно-следственных выводах и многозначительно замолчала, надеясь получить поддержку от других собеседников.

– В истории все похожее уже было и происходило. Как говорят, все новое – хорошо забытое старое, – внезапно добавила Ангелина.

– Как пить дать, – подтвердил Майкл, чтобы поддержать разговор, и закинул еще одну охапку дров. – Даниил заснул? – спросил он, обращаясь к Ангелине.

– Сразу, устал очень, даже сказку не дослушал. Вернее, сказал, что ему неинтересно то, что я предлагаю читать. Он говорит, ему другие вещи интересны.

– А что ты хотела почитать? – спросил Майкл скорее просто ради вопроса.

– «Маленького принца».

– Такое он точно слушать не станет, – хмыкнул Майкл со знанием дела.

Воцарилось молчание. Сухие дрова весело трещали, охваченные пламенем.

– Зло уходит глубже и разъедает души все больше и больше. Казни египетские – прообраз казней апокалипсиса. Богоборчество в сердцах людей – вот причина наших мировых бедствий, – возобновила разговор Ксения.

– Эх, жалко, отец Роберт ушел спать, – вздохнула Сарра. – Я бы его с удовольствием послушала. Он хоть и молчалив, но, когда начинает говорить, так становится Златоустом, не меньше. Как же я люблю его слушать! А хотите, я вам свою историю расскажу? – вдруг предложила она.

– Ну все, – всплеснула руками Тамара, – если сестра Сарра начала говорить, ее не скоро остановишь.

– Нет, интересно очень, расскажите, – перебивая друг друга, начали просить Даринка и Стефания.

– У нас в монастыре есть правило тишины, это я сейчас для Майкла поясню. У нас не принята пустая болтовня, не принято о себе распространяться, о мирском прошлом... – уже слегка смущаясь своей инициативы, принялась оправдываться Сарра.

– Да ладно тебе, сестра Сарра, у нас сестер хлебом не корми, дай языками потрепать, – саркастически вставила Тамара.

– Брось, Тамара... Это ты в одном монастыре всю жизнь прожила, а я где только не бывала и каких только болтливых монахинь не встречала. Наши сестрички, скажу я вам, молчальницы. А я все же расскажу вам, как к монастырю пришла, – собравшись с духом, продолжила Сарра. – В молодости я училась на медицинском факультете и жила в Белграде. Снимала комнату у одной милой старушки по имени Милавица: крошечную мансарду над ее жилищем. Комната стоила дешево, там текла крыша и во время дождя нужно было подставлять тазики. Того, что давали родители и того, что я зарабатывала на ночных дежурствах, мне хватало на жизнь. Старушку-хозяйку я очень полюбила, помогала ей по дому, иногда заходила попить с ней чаю, поболтать о жизни. Раз в неделю я работала волонтером в госпитале, где лежали одинокие немощные старики. Тогда только делала свои первые шаги в вере, только начинала

ходить в храм, и для меня было важно иметь какое-то служение ближним. И все было замечательно, пока однажды меня не постигло большое несчастье. Старушку, у которой я жила, кто-то обокрал: пропало старинное кольцо из гарнитура с изумрудами, и меня обвинили в краже, потому что в моей комнате, прямо в комод под бельем, нашли кольцо от этого гарнитура.

Боже, какая это была для меня катастрофа! На меня завели дело, мне грозила тюрьма, но самое ужасное было в том, что меня обвинили в краже, о чем я и помыслить не могла! Мои родители простые селяне и не могли нанять мне хорошего адвоката. Его мне дали от государства, и он все твердил: признай вину, дадут маленький срок или просто отделаешься работами. Милавица была в гневе и требовала для меня самого сурового наказания. Следователь тоже говорил, что раз потерпевшая так себя ведет, то мне надо признаться, чтобы суд назначил по минимуму. А как признаться в том, чего не совершала?

Она вздохнула, словно, реально погрузилась в те времена.

– Как-то накануне своей волонтерской смены прорыдала я всю ночь. Пришла в госпиталь после бессонницы и рева с опухшим лицом. Взяла задание, пошла одного деда мыть-подмывать. Дед брюзжит, всем недоволен, все ему не так, то ему утку дай, то судно, то трусы ему снять-надеть. Я все делаю, как робот, и не чувствую в душе никакой любви, выгорание одно, и очерствелость, и ропот. И думаю: зачем мне это надо? Этот дед капризный, трясущийся, все мне противно, эта его утка, эти ногти на ногах противные... Зачем, на что я свое время трачу? Вот с таким настроением, совсем без сил ушла я от старика. Спустилась на сестринский этаж, и мы со старшей сестрой милосердия зашли еще в одну палату. Странно, что я в больницу ходила с апреля, а именно в этой палате ни разу не была. Сестра начала болтать с одной мамочкой, которая с сыном жила в больнице. Да, жила. Палата обычная, кроме мамы с сыном, еще трое больных. У этой женщины не было денег за отдельную комнату платить. У них с сыном – ширмочка только, и мать спит на кушетке, никуда не ходит, кроме душа и туалета. Двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю ухаживает за сыном. И так пять лет уже, как на пожизненном заключении. Сыну двадцать один год, мой ровесник. В шестнадцать его избили полицейские: черепно-мозговая травма, смерть коры головного мозга, вегетативное существование. Он даже глотать не мог. Питался через зонд, ничего не делал и не понимал, даже взгляд не сосредоточивал. У него глаза разъезжались в разные стороны! Целый день он лежал в позе эмбриона, как все такие больные, и только мычал.

И тут я поняла, что лучше в тюрьме сидеть, чем нести такой крест. Что мои несчастья – это погремушки по сравнению с такой жизнью. Я весь день ходила в ужасе от увиденного, и у меня в голове крутился один вопрос: хочешь такой крест? Я говорила: «Нет, Господи... Благодарю Тебя, Господи, за то, что у меня есть». Это мне было показано за мой ропот и уныние. Милосердный Господь не стал меня, дуру, наказывать, а просто показал, как еще бывает в жизни. Хотя у меня уже был большой больничный опыт, и подобные вещи я видела, но до сих пор не проникалась несчастьем другого так глубоко. И женщина та меня удивила, такая жизнерадостная. Она от своего горя потеряла женскую привлекательность, и ей явно не до мужа было, но он, надо отдать должное, жену и сына не бросил, обеспечивал всем необходимым.

В тот день вышла из госпиталя и почувствовала необъяснимую внутреннюю свободу. Я готова была идти в тюрьму. Признавать свою вину я не собиралась, но теперь знала: сколько дадут, столько в тюрьме и отсижу. И что вы думаете? В тот же день мне позвонил следователь и пригласил прийти, подписать какие-то бумаги. Все, думаю, видимо, дело в суд направляют, надо готовиться. Не быть мне врачом, буду сидеть в тюрьме. Что ж, попрошусь в медсанчасть и буду помогать в тюремной больнице. Приезжаю, а следователь мне говорит, что дело закрывают и все обвинения с меня снимают! Нашлось кольцо! Оказалось, что какой-то человек пытался сдать его в ломбард, его арестовали, и он указал на племянника Милавицы. Племянник у тетушки украл кольцо, а кольцо мне в комнату подкинул.

Вот такая милость Божия случилась со мной. И после этого я крепко задумалась о том, чтобы поменять свою жизнь. До монастыря было еще далеко, но на нужном пути я уже стояла.

Проговорили почти до полуночи, а потом разошлись спать. Утром отслужили литургию, приготовили завтрак. Решили остаться здесь еще на одну ночь, а наутро пускаться в путь.

Глава шестнадцатая

После бранча Майкл повел Даниила смотреть находящиеся неподалеку древние петроглифы⁵¹. Ангелина попыталась отпроситься с ними, но Вирджиния, немного поколебавшись и заметив пристальное внимание со стороны Тамары, не отпустила ее.

– Иди погуляй с Бимом, собери хворост для костра, а после помоги сестрам с обедом, – строго и сухо произнесла она.

Ангелина с явным недовольством вздохнула, позвала Бима и отправилась вместе с ним к реке, к одному из заброшенных кэмпсайтов, где накануне заприметила большую связку дров. Ей, конечно, хотелось посмотреть петроглифы, но инокине идти одной с мужчиной, пусть даже в компании с маленьким мальчиком, было неправильно.

От реки пахло илом. Седые плакучие ивы тихо шептались, покачивая длинными ветвями. Посередине кэмпсайта стоял старый деревянный стол с разошедшимися лавками. Внимание Ангелины привлекло яркое пятно – стоявший на столе горшочек с живым кактусом. Живой, настоящий кактус с двумя стеблями, один из которых венчала желтая головка, а другой – красная. Ангелина взяла растение в руки и застыла в недоумении. Затем тревожно огляделась вокруг. Никого. Только журчание реки и шелест ветра в ивах. Ей стало грустно, в носу защеко-тало. Она присела на щелястую скамью, прижимая к груди необычную находку. Бим уткнулся умной мордой в ее колени. Ангелина накрыла ладонью голову пса и задумчиво произнесла:

– Если бы ты знал наши человеческие проблемы... Но ты умный пес и все понимаешь. Я расскажу тебе о том, что сейчас произошло. О том, что я нашла здесь. Это из моего далекого прошлого, и только тебе я могу рассказать.

Бим одарил ее понимающим взглядом, дав понять, что он весь внимание. – Мама с каменным лицом, исполненным глубокой скорби. На нее грустно было смотреть. Я была маленькой, но старалась отворачиваться от лица своей матери. Не выносила ее взгляда. Я могу только догадываться, что было у нее на душе и какую боль она испытывала.

Отец ждал наследника. И после рождения третьей дочери выдвинул ультиматум: если в течение года не родится мальчик, он разведется с матерью и женится на другой женщине. По нашему закону он мог это сделать. Казалось, мать начала ненавидеть нас, троих дочерей, ведь мы были причиной ее несчастья. Но тут случилось чудо: родился мой первый брат Дэвид. И мать сразу преобразилась, с головой погрузившись в заботу о сыне. Ей уже не грозил развод, позор брошенной жены, ведь она наконец родила мужу наследника.

После Дэвида мать родила еще двоих мальчиков. Когда я уходила из семьи, она тоже ждала ребенка. Я не знаю, кто у нее родился. Но когда появился Дэвид, мать не стала мягче относиться к нам, дочерям. Она оставалась все такой же холодной, и мне казалось, что я ей нужна лишь для того, чтобы нянчить младших детей. На самом деле она любила всех нас. Наверное. Просто ей очень нужно было родить мальчика. У нас такие законы, и ты, Бим, совсем этого не понимаешь. Я хотела тебе рассказать про мою любовь к своему брату и про его любовь ко мне. Мы с Дэвидом просто обожали друг друга. Он был маленьким, постоянно бегал за мной как хвостик, и мне это так нравилось! Я ехала из школы и думала только об одном: я сейчас увижу своего братика, буду его обнимать, носить на руках, кормить, играть с ним. Дэвид подрастал и с каждым годом все больше и больше привязывался ко мне и все больше и больше любил меня. У меня появился смысл жизни, наконец-то кто-то любил меня, а я – его. Я даже замечала, что мама ревновала Дэвида ко мне... да это совсем не важно.

⁵¹ Придорожная панель петроглифов Sand Island может похвастаться многовековой наскальной живописью возрастом от 300 до 3000 лет. Панель петроглифов занесена в Национальный реестр исторических мест и теперь является частью Национального памятника Bears Ears.

Точно такой кактус, как этот, однажды подарил мне брат. Это было осенью, на наш Новый год. Дэвид пришел и принес в горшочке кактус с красным и желтым цветком и сказал, что это подарок для меня, и что одна головка кактуса – это он, а другая – я. И вот сейчас я нахожу посреди пустыни, на заброшенном кэмпсайте точно такой же кактус, абсолютно живой, новый, свежий! Откуда он тут взялся? Бим, ты не знаешь? Понятно, что не знаешь. Ты собака, откуда тебе знать? А может, знаешь, но не можешь рассказать. Тогда скажи мне хоть глазами, откуда тут взялся цветущий кактус?

Бим в знак понимания застучал тяжелым хвостом по пыльной земле, поднимая фонтанчики песка. Он повел одной бровью, потом другой в знак того, что всем сердцем поддерживает свою собеседницу.

– Ангелина, – послышалось где-то вдали. – Ангелина!

– Кажется, матушка зовет, Бим, нам надо идти, нас зовут, – Ангелина вскочила со скамейки, дернула поводок. – Нам сейчас здорово влетит, что-то мы здесь засиделись!

Ангелина схватила кактус и поспешила на зов, уже чувствуя матушкино недовольство тем, что она пропадала, а ее искали. И сестрам не помогла, и хвороста для костра не принесла. Забыла обо всем на свете.

Увидев недовольное лицо матушки, она поспешила оправдаться и показать свою удивительную находку, как делают дети, которым грозит наказание, чтобы опередить родительский гнев и показать: вот, мама, смотри, я собрал тебе букет, меня так долго не было, потому что собирал для тебя цветы в полях. На самом деле я еще слушал пение птиц, валялся в высокой траве, смотрел на бегущие в голубом небе лохматые облака, но для тебя я собирал букет, и вот он. А мама тут же расплывется в улыбке и скажет: мое дитя, спасибо тебе, родной. Ангелина умело применила этот прием:

– Матушка, простите, я за Бимом бегала и нашла одну вещь. Посмотрите, это же кактус! Настоящий, живой, в горшочке! – И Ангелина засмеялась сквозь слезы, а Вирджиния готова была рассмеяться вслед за ней от такой детской наивности.

– Ну и что? Кто-то забыл, кто-то оставил...

– Нет, матушка, я посмотрела, там давно никого не было! Нет свежих углей в кострище, а кактус совсем новый!

– В любом случае, ты же не будешь его брать с собой, это же чужое.

– Матушка, ну как я его оставлю здесь, он же пропадет, умрет!

– Ладно, Ангелина, это уже совсем несерьезно выглядит. Уезжать нужно. Уже все собрались, а ты где-то ходишь с Бимом, тебя все ждут. Собираемся.

– Матушка, а почему? Хотели же завтра ехать?

– Изменились обстоятельства. Давай шевелись, быстрее, быстрее.

Действительно, случилось непредвиденное. Вернулись Майкл с сыном, и мужчина озабоченно сообщил, что, на его взгляд, здесь нельзя оставаться.

– Мы сейчас ходили смотреть петроглифы и видели очень странного человека на мотоцикле. Он будто что-то высматривал и поглядывал в сторону нашего лагеря. А после оставил свой байк в кустах, а сам отошел, вроде как к реке, и в то же время смотрел на наш лагерь. Может это моя личная паранойя в связи со всеми недавними событиями, но, мне кажется, надо быть более осторожными. Может быть, нам лучше собраться и выехать? Найдем место для ночлега по дороге. Если этот байкер следит за нами, то он нас нагонит, и мы поймем это, а если он здесь случайно, то все-таки лучше перебдеть, чем недобдеть. Вдруг он ночью грабителей приведет?

Глава семнадцатая

Меня встревожил рассказ Майкла. Я несколько минут молча, словно в ступоре, смотрела вдаль. Собраться и срочно выехать в путь будет тяжело, но и рисковать не хотелось. Что это за человек, который так интересуется нашим караваном? Что, если он не один? Место здесь глухое, уединенное, мало ли что.

– Михаил, наверное, ты прав. Нужно сказать сестрам, что мы собираемся в путь.

Караван проехал мимо старой достопримечательности – огромных скал, названных «Близнецами», – оставляя за спиной безразличные воды мутной реки. Одинокая горлица куковала вдогонку монахиням свою однообразную песню.

Три часа пополудни – очень поздний срок для начала дневного пути. Всего за три часа предстояло отыскать новое место ночевки. Карта не сулила ничего подходящего. Ехали почти наугад, смотрели по сторонам, ища удобный съезд с дороги, но ничего не находилось. Я уже пожалела, что сорвалась с хорошего места, молча сердилась на Майкла: суетной человек, действует на всех дезориентирующе. Думала о том, что впредь надо меньше его слушать и взвешивать все, что он говорит. Вспомнила, что сегодня Майкл сбил меня с толку как раз тогда, когда я собиралась подробнее расспросить о Данииле и его матери. Возможно, появление байкера было для Майкла лишь поводом, чтобы отвлечь от предстоящего неприятного для него разговора? Мне и самой не хотелось обсуждать чужую непростую жизнь. В конце концов, Майкл – взрослый человек и может просто отказаться обсуждать свои дела.

Весь остаток дня мне казалось, что я теряю трезвость ума. Может быть, это просто стресс? Вынужденный уход с насиженного места? Я всегда болезненно адаптировалась к внезапным переездам или перемещениям. Мужа всегда предупреждала, чтобы никаких сюрпризов с неожиданными поездками на курорты, как это иногда любят делать мужчины. Эти мои наивные попытки планировать все заранее. А тут... столько всего свалилось сразу, столько беспокойства, столько ответственности, и тут моя женская слабость, и не на кого положиться. Я за Майкла зацепилась, как за мужское плечо, как за человека, который может хотя бы защитить или что-то сделать, с чем женщины не справляются. А тут ощущение, что меня бросили в воду – и плыви как хочешь.

Часа через два показалась огромная, окутанная облаками и заснеженная гора Уэст-Маунтин (West Mountain)⁵². Ее холодное дыхание простиралось на несколько миль вокруг. Закатные облака, как огненная корона, обрамляли ее седую вершину.

– Поворачиваем к горе Уэст, будем искать ночевку, – распорядилась я по рации.

Караван свернул с дороги. Поодаль торчал сломанный указатель, направляющий к некой мормонской церкви. Мне тут же показалось странным, что никакого жилища и даже намек на то, что возле горы живут или бывают люди, поблизости не было. А люди сейчас совсем не помешали бы. Слишком зловещей казалась местность.

Я снова пожалела, что послушала Майкла. Вариант для ночевки оставался лишь один – идти к горе Уэст и искать рядом с ней кемпинг. Карта указывала, что кемпингов там должно быть много, но кто знает, как на самом деле?

Ночь наступала стремительно. От горы веяло холодом, как из морозильной камеры, которую забыли плотно прикрыть. Хотелось бежать от пугающей неприютности. Это просто эмоции и страхи, уговаривала саму себя. Развернуться и ехать на трассу будет еще более безрассудно. После пыльной красной пустыни пейзаж вокруг выглядел сюрреалистичным – особенно

⁵² Гора в штате Юта, США. Является частью южного сегмента хребта Уосатч, но не соединена с основным хребтом. На горе расположены радиовышки, трансляторы FM-радио, а также обсерватория Уэст-Маунтин, которой управляет Brigham Young University (BYU).

когда начались реликтовые высокогорные сосновые леса, засыпанные шапками снега, как это бывает зимой в северных краях.

Наконец среди заснеженного хвойного леса попался первый указатель на ближайший кемпграунд, называвшийся Блу Маунтин Монтиселло (Blue Mountain Monticello). Указатель выглядел таким старым, что, казалось, последние туристы покинули эти места не меньше двух десятков лет назад. Тем не менее указатель нас взбодрил, словно бухта, где можно бросить якорь. Мы миновали развалившийся домик администрации кемпинга. Показались многочисленные сайты со сломанными или вовсе сгнившими столами и скамьями. Караван остановился в центре круглой площадки, бывшей когда-то паркингом. Вышли из машин. Снега было почти по колено. Лес, убаюканный могильным холодом каменной горы и потревоженный незваными гостями, встречал переселенцев неприветливым сумраком.

– Дальше ехать, похоже, некуда, – недовольно проговорила, разминая затекшие ноги, Тамара. Последнее время она страдала сильными отеками из-за вынужденной малоподвижности.

– Ничего, встанем здесь. Сейчас костер соберем, вон, вижу, дровяник еще жив, не совсем сгнил, – с жаром подбадривал Майкл, словно испытывая чувство вины за неприглядную ночевку.

Тамара фыркнула, передернула плечами и удалилась в глубь своего автобуса.

– Почему так холодно? – спросила Ксения, доставая теплую куртку. Пожилая Анна выходить отказалась, сказала, что будет читать келейное правило, а после сразу ляжет спать.

Ангелина с Даниилом вышли. Бим, обычно веселый и любознательный, странно и нервно рвался с поводка. Он то пытался бежать вперед, то поворачивал к автобусу, скалил зубы. Потом поспешно и на виду у всех (чего никогда не делал раньше) присел в ближайших к кемпингу кустах и настойчиво потянул Ангелину обратно к автобусам. Я сразу заметила непривычное поведение пса, стало еще тревожнее.

– Ангелина, возьми собаку и Даниила, идите в автобус! Без разрешения не выходить!

– Сестры, давайте соберем костер, очень холодно здесь, – превозмогая дрожь, распорядилась сердитая Ксения. Молодые разошлись собирать ветки для костра или готовить ужин.

– Матушка, почему так холодно? – послышалось в который раз. На вопрос поспешил ответить Майкл, уже весело разжигающий огонь:

– Гора большая, холодная, снег у подножия тает поздно, сейчас ведь еще только апрель, а высота здесь большая – почти шесть тысяч футов. Сейчас разожжем костер на полную мощность, педаль в пол, согреемся, чай заварим, ужин быстро сварганим, – частил Майкл, словно вновь оправдываясь перед всеми за то, что увел караван с удобного места и что теперь придется коротать ночь в этой морозной глуши.

Ветки азартно трещали, искры неслись в темнеющее небо. Оно выгибалось, словно боясь обжечь свой нежный синий бархат.

Ангелина, собрав своих питомцев, недовольно удалилась в автобус. Бим оказался очень этому рад, сразу же забился под сиденье и дал понять, что сегодня он больше из автобуса не выйдет. А Даниилу, который проскучал все последние четыре часа дороги, напротив, хотелось побегать и покидать ветки в костер, пошалить. Он оставил печальную Ангелину и сначала помчался к костру таскать хворост, а потом незаметно для всех исчез из вида.

Я подошла к Майклу.

– Мне не нравится, как Бим себя ведет. Ты ничего необычного здесь не замечаешь?

– Что не так? Кроме холода и снега, что я должен еще заметить? – бросив критический взгляд, ответил Майкл.

– В лесу ты ничего не замечаешь? Биму не нравится это место. Здесь по карте на трассе есть деревня Монтиселло, может, соберемся и туда поедем? Может, попросимся встать рядом с каким-нибудь лаунджем? Что-то здесь не так. Собаки ведь чувствуют...

– Биму не нравится это место?! Матушка, вы о чем? Мы забыли спросить собаку, нравится ему или нет? – не то с сарказмом, не то с искренним недоумением проговорил Майкл, вскинув брови и округлив глаза. Я заметила насмешливый взгляд. – Матушка, это вам решать, но я не советую срываться. Понадобится полчаса, чтобы развернуться, потом еще минут сорок спускаться с горы, совсем стемнеет. Все устали, а в деревне еще неизвестно, что и как. Кто нас пустит на двор в такое время суток? Если вы так переживаете, дайте мне карабин. Кстати, давно надо было это сделать. Еще на прошлой стоянке. А здесь нормально все. Холодно только очень. Зуб на зуб не попадает. Лучше подальше от людей, чем поближе, – казалось, эмоции вот-вот выплеснутся из него, как из переполненного бака с водой.

– Возьми карабин под откидным сиденьем в моем трейлере, – сказала я и тише добавила: – Собака напрасно не будет беспокоиться.

– Ок, совсем другой разговор! – заметно взбодрившись, проговорил Майкл, отправляясь в сторону трейлера, явно не расслышавший второго замечания или сделав вид, что не заметил.

Я вздохнула. В самом деле, не объяснять же Михаилу свои старые травмы и триггеры. Я выгляжу как умалишенная. Игуменя предлагает спросить собаку. Действительно, собаку мы не спросили. Для людей это звучит как полное сумасбродство, не объяснять же здесь, что однажды случилось со мной. Не надо было упоминать собаку.

Прибежала Ангелина.

– Матушка, Даниил ушел вам помогать, не захотел с нами сидеть в автобусе. Он с вами?

– Нет, – я растерянно огляделась по сторонам.

– Даниил! Даниил! – закричали все, сразу же переполошившись.

Поднялась суeta и беготня, бросились искать ребенка. Уже почти стемнело. Всюду замелькали яркие лучи фонариков. Майкл схватил карабин, матерясь, передернул затвор, пошел куда-то в темноту, подсвечивая дорогу мощным походным фонарем. Сестры разбрелись по окрестным стоянкам, кричали, спотыкались, хрустели ветками, путались ногами в сугробах. Мальчика нигде не было.

Наконец, послышалась ругань и быстрые шаги. Показались Майкл, красный от ярости, и Даниил с заплаканными глазами.

– Что случилось? Где он был?

– Я его нашел в заброшенном доме! – прорычал Майкл и с силой дернул сына за руку.

– Майкл, не надо так, – вступилась я. – Даниил, зачем ты ушел? Нельзя уходить из лагеря без спроса, тем более, когда совсем темно, – строго обращалась к мальчику.

– Я просто хотел посмотреть, что там, в домике, у меня фонарик новый, – ныл, размазывая слезы, Даниил.

– Посмотрел? Посмотрел?! – уже срываясь на крик, рявкнул Майкл. – Что там увидел? Доволен, что всех переполошил? Тебе сказали где сидеть?!

Ревущего Даниила увела, обняв за плечи, Ангелина. Видно было, как нежно она утешала мальчика и как ей больше всех было его жалко.

Тамара же с многозначительным упреком покачала головой им вслед.

Майкл продолжал злиться до тех пор, пока все не уселись возле костра. Успели выпить по чашке чая с хлебом и сыром, как вокруг лагеря начало происходить то, чего меньше всего ожидали. Из темноты показались сначала одна пара колющих холодных глаз, потом еще и еще, послышалась возня. Все у костра замерли в ужасе. Майкл поднес указательный палец ко рту и шикнул.

– Волки, – прошептал он, – мать их... Сколько их... Все аккуратно, не поворачиваясь к ним спиной, расходимся по автобусам! Всем по автобусам, медленно, задом и без лишних движений! Они не должны почувствовать наш страх. Я прикрою, если что, буду стрелять.

Все сестры быстро разбежались по машинам, но сделать это тихо не получилось. Отец Роберт замешкался, споткнулся, наступив на длинную полу своей рясы. В этот миг огромный

волк выскочил из темноты прямо на старика, перегородив ему дорогу в храмовый автобус. Майкл выстрелил почти в упор. Послышался глухой удар о землю и утробный визг раненого зверя. Майкл почти за шиворот схватил священника и втолкнул его в автобус, сделал еще пару выстрелов в темноту и быстро закрыл двери.

– Все целы? – взволнованно спросила я по рации. – Сестры, пожалуйста, пересчитайте, все ли на месте?

– На месте, да, на месте, все целы, – вразнобой послышалось в ответ.

– Закройте все форточки и люки, все проверьте еще раз. Если все в порядке, выдвигаемся в сторону трассы.

– Матушка, простите нас, – произнесла сестра Даринка. – Мы прицеп с курами отцепили, он встал неудобно, хотели перепарковаться. Покормить хотели – не успели.

– Куры закрыты?

– Закрыты.

– Самое смешное, что в моем траке водителя нет, потому что я в автобусе с отцом Робертом, – проговорил Майкл. – Нет смысла ехать без трака и без курятника. Возможно, кур волки сожрут сегодня ночью, а может, и нет, но если мы их бросим, то сожрут точно. Да и завтра утром за траком возвращаться нет смысла. Да даже если бы я находился в траке... Ведь отец Роберт не сможет один повести автобус, он в темноте ничего не видит.

– Тогда остаемся здесь до утра, – решила я. – Волки на рассвете уйдут в горы. Майкл, как отец Роберт? Его не покусали?

– Да нормально все, испугался сильно, чай допивает. Как там мой сын? Скажите ему, что папа больше не злится. Папа его любит.

– Плачет еще, – ответила нарочито жалобным голосом Ангелина. – Но мы его успокоим, ужином накормим и спать уложим, не волнуйтесь.

Напуганные выстрелами волки убежали, но вскоре вернулись. Прицеп с курами будоражил их. Хищники плотным кольцом окружали лагерь, самые наглые из них прыгали по крышам траков и топали как кони. К полуночи вся округа огласилась жутким воем. Взошла луна, осветив остроухие тени разбойников, возбужденных терпкими, аппетитными запахами людей и кур.

– Эх, жаль, патронов мало, – сокрушался Майкл, всматриваясь в темноту сквозь стекло автобуса. – Тридцать, тридцать восемь вижу, или мне уже мерещится? Не пойму их рокировки, – бурчал он себе под нос, расположившись на водительском кресле и закинув ноги на приборную панель.

– Мне страшно, – дрожа всем телом, жалобно всхлипывал малыш. – Ангелина, можешь лечь со мной? Мне страшно, они так воют и так прыгают по крыше.

– Не бойся, давай я тебе песенку спою. Волки не смогут нас достать, у нас железные двери и крепкие окна. Ты на моего брата очень похож, на Дэвида. Я сегодня утром нашла кактус, точно такой же, какой мне когда-то братик подарил, – шептала на ухо Даниилу Ангелина, глядя его по кудрявым волосам.

На крышу в очередной раз вскочил крупный волк, застучав когтями по металлу. Даниил сжался и заплакал, Бим вскочил и зарычал, оскалив зубы и ошетинив шерсть на спине.

Казалось, что ночному кошмару не будет конца. Время тянулось, как вязкая резина. Волки выли, дрались, визжали, что-то делили. Никто из путешественников не спал, всем казалось, что прицеп с курами давно опустел и волки рвут зубами нежных птиц, захлебываясь их горячей свежей кровью.

Наконец засерел скупым светом рассвет. Солнце нехотя осветило мрачные верхушки деревьев, затем медленно опустило лучи ниже. Хищники исчезли мгновенно, как по мановению волшебной палочки. Измученный Даниил крепко заснул, обняв за шею Ангелину, которая

тоже отключилась, убаюканная теплым и нежным дыханием мальчика. Лучи утреннего солнца весело играли на их безмятежных лицах.

Грязный окровавленный снег, истоптанный тысячами следов, с приходом дневного света безобразно обнажил картину ночной вакханалии. Подстреленного волка голодные и злые сородичи сожрали целиком, разбросав повсюду его обглоданные кости и клоки шерсти. Прицеп с курами выдержал ночной натиск, но был изгрызен сотнями зубов и исцарапан когтями. Волки в неистовом бешенстве раздирали в кровь собственные лапы, надеясь добраться до вожака курятины, но, к счастью обитателей прицепа, безуспешно.

Куры остались живы, хоть и напуганы до смерти. Они сидели молча, забившись в самые дальние углы насестов.

– Бедные курочки, – причитала Иванка, подсыпая им корм, – выжили, но, наверное, нестись после такого стресса не сможете.

Разглядывать последствия ночного нападения долго не стали. Быстро собрались и выехали в сторону трассы.

После деревни Монтиселло (Monticello) березы с выбеленными ветвями, похожие на седых старух, провожали путников, качая на ветру своими всклокоченными головами. Кое-где попадались цветущие деревья, напоминающие наивных барышень в пышных розовых юбках, ничего не знающих о соседстве с горой ужасов.

Все молчали, переживая кошмар минувшей ночи. Обычно многословный Майкл даже не пытался отпускать свои традиционные шуточки. Его парализовала сама мысль о том, что накануне он мог потерять сына. Если бы волки чуть раньше спустились с горы – не избежать бы трагедии. И отец Роберт чуть не погиб, если бы не меткий выстрел, то большой волк успел бы сбить старого священника с ног и вцепиться мертвой хваткой ему в горло. И во всем виноват он, Майкл, словно последний параноик, взбаламутивший весь лагерь. Он хотел проявить бдительность, показать свою незаменимость, а вышло вот как. И теперь он ждал упреков со стороны сестер.

Глава восемнадцатая

Путь каравана вновь пролегал через красные скалы недалеко от мировой достопримечательности – парка Арки (Arches National Park)⁵³ с его причудливыми арками, символами штата, где на рыжие горы Юты безмолвно смотрят соседние снеговые хребты Колорадо. После землетрясения сорок седьмого года парк неплохо сохранился. Дорога вилась между арками, как узкая козья тропа. Пурпурные холмы внезапно меняли платья на бирюзовые, напоминая девушек-модниц, крутящихся перед зеркалом.

⁵³ Национальный парк на востоке штата Юта, США. В парке насчитывается более 2000 арок из натурального песчаника, включая хорошо известную Изящную арку, которые представляют собой самую высокую плотность естественных арок в мире. Он также содержит множество других уникальных геологических ресурсов и образований.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.